

**Географическая близость
родственников и переезды
пожилых людей: исследование
на основе данных регистров
населения Норвегии и Швеции**

Алёна Вячеславовна Артамонова
(alyona.artamonova@vaestoliitto.fi), Институт
исследований населения Федерации Семьи
Финляндии, Финляндия.

**Geographic proximity of
relatives and relocations
of older adults:
A study based on population
registers in Norway and Sweden**

Alyona Artamonova
(alyona.artamonova@vaestoliitto.fi),
Population Research Institute, Family
Federation of Finland, Finland.

Резюме: Семья остается одним из важнейших источников поддержки для пожилых людей. Географическая близость членов семьи имеет важные последствия для частоты контактов, обмена межпоколенными трансферами, эмоциональных связей, благополучия пожилых людей, а также для увеличивающегося спроса на формальный и неформальный уход. В свете старения населения и растущего давления на устойчивость системы ухода за пожилыми данное исследование, посвященное географической близости между членами семей и переездам в пожилом возрасте, вносит вклад в изучение внутренней миграции, старения, семейных отношений и социального обеспечения. Исследование также дает новую информацию политикам и практикам, заинтересованным в более сбалансированном участии государства и семьи в системе ухода.

Главный вопрос исследования заключался в следующем: как жизненные обстоятельства пожилых людей связаны с их собственной миграционной активностью и активностью их родственников (включая переезд пожилых людей в учреждения институционального типа)? Мы использовали полные данные регистров населения Норвегии и Швеции, чтобы изучить роль таких жизненных обстоятельств как, потребности в профессиональном уходе, серьезные проблемы со здоровьем (операционализированные как «близость к дате смерти»), а также отсутствие основных членов семьи (супругов и/или взрослых детей) в миграционном поведении пожилых. Включение в модели дополнительных детерминант миграционного поведения, таких как связи с другими членами семьи, гендер, использование формальных услуг по уходу и контекстуальные различия в местах проживания (т. е. муниципальные характеристики), помогли детализировать ответ на наш исследовательский вопрос.

Ключевые слова: пожилые люди, взрослые дети, семейные связи, межпоколенная географическая близость, внутренняя миграция, смена места жительства, регистры населения, Норвегия, Швеция.

Финансирование: Статья подготовлена по результатам докторской диссертации автора на тему «Family proximity and relocations in older adulthood», выполненного в Гронингенском университете (Нидерланды) в 2018-2022 гг.

Для цитирования: Артамонова А.В. (2024). Географическая близость родственников и переезды пожилых людей: исследование на основе данных регистров населения Норвегии и Швеции. Демографическое обозрение, 11(4), 73-108. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24290>

Abstract: The family remains one of the most important sources of support for older adults. Geographic proximity of family members has important implications for contact frequency, exchange of intergenerational transfers, emotional ties, older adults' well-being, and the growing demand for formal and informal care. In light of population aging and increasing pressure on the sustainability of elderly care, this research on family proximity and relocations in older adulthood contributes to the literature on internal migration, aging, family relations, and social welfare. The research also provides new insights for policymakers and practitioners interested in balancing the involvement of the state and of the family in caregiving.

The overarching question was: How are needs-related life circumstances of older people associated with their own and their relatives' migration and immobility (including older adults' moves into institutionalized residential care)? To address this question, we drew on full population register data from Norway and Sweden to explore the role of needs for formal care, severe health problems (operationalized as closeness to death), and the absence or limited availability of core family members. Additional determinants of migration added nuance to the way we addressed

the main research question. We tapped into the roles of ties to other family members, gender, usage of formal care services, and contextual differences and contextual differences in place of residence (e.g., municipal characteristics).

Keywords: *older people, adult children, family ties, intergenerational geographic proximity, internal migration, residential relocations, population register data, Norway, Sweden.*

Funding: *This article is based on the author's dissertation research on "Family proximity and relocations in older adulthood" conducted at the University of Groningen, The Netherlands, 2018-2022.*

For citation: Artamonova A. (2024). *Geographic proximity of relatives and relocations of older adults: A study based on population registers in Norway and Sweden. Demographic Review, 11(4), 73-108. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24290>*

Введение

Семья остается одним из важнейших источников поддержки для пожилых людей. Географическая близость между членами семьи имеет важные последствия для обмена услугами по поддержке, трансфертов всех видов и растущего спроса на формальный и неформальный уход. По мере старения людей их собственные переезды и переезды членов их семей могут стать стратегией, облегчающей взаимную заботу. Для пожилых людей и членов их семей, которые живут недалеко друг от друга, переезд может быть нежелательным, поскольку это, вероятно, приведет к изменению привычной организации удовлетворения потребностей пожилых. Пожилые люди, живущие далеко от членов своей семьи, могут переехать к ним поближе или попросить родственников переехать ближе к ним. Еще одним вариантом для пожилых с потребностями в заботе является использование формальных услуг по уходу, включая институциональный уход в интернатных учреждениях.

Опираясь на полные данные регистров населения Норвегии и Швеции, это исследование рассматривает следующий вопрос: каким образом жизненные обстоятельства пожилых людей, связанные с особыми нуждами, соотносятся с их собственной (не)мобильностью и (не)мобильностью их родственников (включая переезд пожилых людей в учреждения интернатного типа)? Документально подтверждено, что целый ряд жизненных обстоятельств пожилых играет роль в выборе местожительства для них самих и для членов их семей: потребности в профессиональных услугах по уходу, серьезные проблемы со здоровьем, отсутствие близких родственников или недавняя потеря брачного партнера. Общий ответ на вопрос исследования заключается в том, что потребности в заботе пожилых людей сдерживают «географическую дивергенцию поколений» (или географическое отдаление родителей старшего возраста и взрослых детей, переезды на большие расстояния друг от друга) и стимулируют переезд к взрослым детям, к братьям и сестрам и переезд в интернатные учреждения.

Результаты показывают важность наличия проживающих отдельно членов расширенной семьи для переездов. Наличие родственников мотивирует миграцию в направлении мест их проживания. С другой стороны, это является сдерживающим фактором для релокации в специализированное учреждение или в другое место, когда члены семьи живут поблизости. Результаты в целом позволяют предположить, что даже в Норвегии и Швеции, где широко доступны формальные услуги по уходу, государство не «вытесняет» семью из сферы ухода и семья играет важную роль в выборе пожилыми людьми места для своего проживания. Наконец, результаты этого исследования вносят вклад в дискуссии о том, как внутренняя миграция связывает жизнь членов семьи со структурными условиями места их проживания, т. е. с муниципальными характеристиками среды обитания.

Задачи исследования, теоретические подходы, контекст, гипотезы, данные и методы

Старение населения, потребности пожилого населения и миграционная мобильность: основные вопросы для изучения и политических решений

Сегодня старение является одним из ключевых вызовов для политики (Pani-Harreman et al. 2021), поскольку многие общества сталкиваются с исторически новой реальностью – растущей долей пожилых людей, приводящей к реконфигурации социальных и экономических взаимодействий. С расширением государства всеобщего благосостояния и с введением всеобщих пенсионных систем пожилые люди стали менее зависимы от своих родственников, чем когда-либо прежде. Однако демографическое бремя создает серьезные проблемы для систем социального обеспечения (Bengtsson, Scott 2009). Европейские страны, вероятно, столкнутся с проблемами в обеспечении пенсий, услуг здравоохранения и ухода за пожилыми людьми (Bengtsson, Scott 2009). Растущая обеспокоенность по поводу нагрузки, связанной с уходом за пожилыми (OECD 2019), ставит вопрос, как она может быть разделена между семьей, государством и другими акторами с целью достижения наибольшей эффективности (Shea et al. 2003).

Пожилые люди, столкнувшиеся с ухудшением здоровья и другими подобными жизненными обстоятельствами, часто испытывают трудности с самостоятельным выполнением повседневных дел и поэтому нуждаются в уходе. Политика западных стран все чаще поощряет поддержку пожилых людей на дому, чтобы уменьшить использование дорогостоящего ухода в учреждениях (Davies, James 2011). Эта тенденция деинституционализации особенно заметна в странах с традиционно высокой долей пожилых людей, проживающих постоянно в соответствующих институциализированных (коллективных) домохозяйствах (Alders, Schut 2019). Старение на месте – уход на дому и последующее помещение в специализированные учреждения при определенном уровне инвалидности – рассматривается как способ не только сократить расходы на институциональный уход, но и дать возможность пожилым людям сохранить относительную независимость и связь со своей семьей (OECD 2019). В то же время стремление дать пожилым людям возможность стареть на месте может рассматриваться как способ усилить зависимость пожилых людей от своих родственников.

Мнение о том, что государство всеобщего благосостояния «вытеснило» семью из сферы ухода, было оспорено учеными (Daatland, Lowenstein 2005; Motel-Klingebiel, Tesch-Roemer, Von Kondratowitz 2005). Исследования показывают, что, хотя уход за родственниками не является юридической обязанностью во многих европейских странах, семья остается важным источником поддержки ¹ для пожилых людей (Connidis, Barnett 2018; Küinemund, Rein 1999) и может дополнять услуги, предлагаемые государственными институтами (Daatland, Lowenstein 2005). Профессиональные поставщики услуг обычно предоставляют медицинский и постоянный физический уход, в то время как семья чаще оказывает менее обременительную, спонтанную помощь и контролирует качество услуг (Daatland, Herlofson 2003).

¹ Следует иметь в виду, что иногда семейные отношения могут быть негармоничными (van Gaalen, Dykstra 2006) и даже наносящими вред (Lin, Giles 2013).

Географическая близость членов семьи имеет решающее значение для частоты контактов, взаимопомощи (Gierveld, Fokkema 1998; Joseph, Hallman 1998; Litwak, Kulis 1987) и, возможно, также для управления предоставлением формальных услуг. Хотя предыдущие исследования показывают, что забота родственников на расстоянии возможна, они при этом указывают на трудности в общении как с получателем помощи, так и с официальным поставщиком услуг, подчеркивают нагрузку, возникающую из-за времени, необходимого на дорогу к месту проживания пожилого члена семьи, и дополнительное эмоциональное напряжение (Cagle, Munn 2012; Hicks et al. 2018). Поэтому считается предпочтительнее осуществлять заботу, живя поблизости и поддерживая непосредственное общение со своим родственником.

За исключением брачного партнера, дети с большей вероятностью, чем любые другие родственники, становятся опекунами пожилых людей (Komter, Vollebergh 2002) благодаря связывающей их межпоколенческой солидарности (Bengtson, Roberts 1991). Географическое расстояние между родителями и детьми является результатом согласованных решений о месте жительства, принятых обоими поколениями на разных этапах их жизни (Lin, Rogerson 1995). По мере старения родителей (не)мобильность детей и родителей с целью поменять место жительства может стать стратегией, способствующей взаимной заботе (Coulter, Ham, Findlay 2016). Для родителей старшего возраста и взрослых детей, живущих рядом друг с другом, переезд (обозначаемый как «географическая дивергенция поколений» (Silverstein 1995)) может быть нежелательным, поскольку он, вероятно, приведет к ослаблению семейных связей и уменьшит вероятность получения родителями адекватной помощи. Родители, которые живут далеко от своих детей, могут переехать к ним поближе или переехать ближе могут их дети (это называется «географической конвергенцией поколений» (Silverstein 1995)). Еще один вариант для родителей, чьи дети живут далеко, – переехать в специализированный интернат, когда их здоровье ухудшится.

В научных публикациях по внутренней миграции и мобильности людей разного возраста растет признание роли семьи в этих процессах. Известно, что проживание рядом с членами семьи снижает вероятность миграции (Clark, Duque-Calvache, Palomares-Linares 2017; Kan 2007; Mulder, Wagner 2012; Mulder, Malmberg 2014). Некоторые исследователи подчеркивают, что присутствие родителей поблизости сдерживает мобильность взрослых детей (Ermisch, Mulder 2019; Hünteler, Mulder 2020). В одном исследовании была выявлена связь между проживанием в непосредственной близости от ребенка и меньшей вероятностью помещения пожилого родителя в специализированное учреждение, а также переезда в другое место (van der Pers, Mulder, Steverink 2015). Исследования также указывают на связь между событиями жизненного пути родителей и их взрослых детей, такими как раздельное проживание супругов, вдовство и рождение детей, с одной стороны, и вероятность географической конвергенции между поколениями, с другой (Pettersson, Malmberg 2009; Thomas, Dommermuth 2020; Zhang, Engelman, Agree 2013). Однако лишь в немногих исследованиях подробно изучались отношения между жизненными обстоятельствами пожилых людей, связанными с особыми потребностями, и изменениями в географической близости между поколениями (заметным исключением является исследование (Silverstein 1995)).

В дискуссиях о старении общества, изменениях в системе ухода за пожилыми людьми и растущей важности семейного ухода особого внимания заслуживают пожилые люди без детей (Hjälm 2011). Исследования показывают, что пожилые родители и пожилые

бездетные люди с одинаковой вероятностью сообщают, что есть кто-то, кто им помогает, оказывает финансовую помощь, эмоциональную поддержку и общение (Albertini, Kohli 2009; Allen, Wiles 2013; Connidis, McMullin 1994). Более того, пожилые люди без детей почти так же склонны переезжать в старости, как и люди с детьми (van der Pers, Mulder, Steverink 2015). Однако неясно, с большей или меньшей вероятностью пожилые люди без детей переедут ближе к другим членам семьи, чем люди с детьми. Например, братья и сестры могут стать жизненно важным источником поддержки, и пожилые люди могут захотеть жить ближе к ним, особенно после овдовения (Gold 1987). Исследования роли братьев и сестер в миграции пожилых людей относительно немногочисленны по сравнению с растущим числом исследований, посвященных взрослым детям как фактору переезда. В данном исследовании мы устранием эти пробелы в знаниях, обращаясь к следующему центральному вопросу: в какой степени потребности пожилых людей, возникшие в силу жизненных обстоятельств, связаны с высокой или низкой миграционной активностью, их собственной и их родственников (в том числе с переездом пожилых людей в интернатные учреждения)?

Помимо различных жизненных обстоятельств пожилых людей и связанных с ними особых потребностей, нам известно, по крайней мере, о четырех недостаточно изученных областях, касающихся территориальной близости к семье и переездов в пожилом возрасте. Во-первых, лишь ограниченное количество исследований принимает во внимание место проживания других членов семьи, которое может играть роль в принятии решений о миграции (исключения см.: (Michielin, Mulder, Zorlu 2008; Pettersson, Malmberg 2009; Thomas, Dommermuth 2020)). Во-вторых, хотя предыдущие исследования указывают на гендерные различия в уходе за детьми, мы до сих пор очень мало знаем о том, связан ли и, если да, то каким образом, пол пожилых родителей и членов их семей с их решениями о переезде. В-третьих, расширение государства всеобщего благосостояния создает новые роли для членов семьи в контролировании качества государственных услуг (Daaaland, Herlofson 2003), и выполнение этих функций, как и в случае реального ухода, вероятно, требует тесной географической близости. Несмотря на это, роль использования профессиональных услуг по уходу как фактора или результата тесной географической близости между родителями и детьми мало изучена. В-четвертых, хотя географическая близость к членам семьи, вероятно, более важна в условиях, когда ресурсы социального обеспечения ограничены (Mulder 2018), неизвестно, связаны ли контекстуальные факторы (например, муниципальные характеристики) с изменениями в географической близости семьи. Поэтому мы стремимся внести свой вклад в рассмотрение роли, которую играют отношения с другими членами семьи, гендер, использование формальных услуг по уходу и характеристики места проживания в вопросе географической близости пожилых людей к своей семье.

Социальная значимость исследования изменений в географической доступности родственников для пожилых людей заключается во взаимосвязи этих изменений с благополучием пожилых, с одной стороны, и эффективностью социального государства, с другой. Государству, отвечая на новые требования стареющих обществ, важно знать как можно больше о роли современной семьи как поставщика помощи пожилым людям. В частности, исследования должны показать, в какой степени люди выбирают места проживания рядом с членами своей семьи, особенно при наличии особых жизненных обстоятельств, таких как необходимость формального ухода, серьезные проблемы со

здравьем, отсутствие взрослых детей или недавняя потеря брачного партнера, нарушившая привычную организацию быта.

Данное исследование предоставляет ценную информацию специалистам-практикам, заинтересованным в содействии благополучию пожилых людей и членов их семей, осуществляющих уход, а также политикам, заинтересованным в содействии участию семей в уходе за пожилыми людьми. В совокупности результаты дают представление о том, кто живет ближе и потенциально оказывает поддержку пожилым родственникам с потребностями в уходе. Более того, наше исследование проясняет, в какой степени другие члены семьи могут заменять взрослых детей в уходе за бездетными пожилыми людьми. Понимание того, в какой степени эти жизненные обстоятельства способствуют объяснению (не)мобильности пожилых людей и членов их семей, также может помочь спрогнозировать будущие потребности в жилье и профессиональных услугах по уходу.

Обзор ключевых теоретических подходов

Это исследование находится на стыке знаний по проблемам старения, семейных отношений, внутренней миграции и социального обеспечения. В целом географическую близость между пожилыми людьми и членами их семей можно рассматривать как показатель степени структурной солидарности (Silverstein, Bengtson 1997) или структурного фамилизма (Bardis 1959). С этой точки зрения проживание рядом или переезд поближе к члену семьи является проявлением семейной солидарности или фамилизма, при этом совместное проживание является высшей формой того и другого (Davey, Takagi 2013). Хотя во многих промышленно развитых обществах сохранение индивидуальной автономии – важнейший принцип и государственные институты берут на себя ответственность за оказание услуг по уходу за пожилыми членами общества, члены расширенной семьи склонны поддерживать друг друга (например, (Komter, Vollebergh 2002; Mulder, van der Meer 2009; Rossi, Rossi 1990)) даже в ситуации амбивалентности (Lüscher, Pillemeyer 1998).

В исследованиях, которым посвящена данная статья, связь между жизненными обстоятельствами пожилых людей, связанными с особыми потребностями, и выбором места проживания как пожилых людей, так и членов их семей, в целом объясняется с точки зрения концепции жизненного пути (Life Course Perspective) (Elder 1994). Этот теоретический подход, помимо прочего, помогает исследовать движение человека в социальном пространстве (Levy, Buhmann 2016). Он строится вокруг пяти принципов: «непрерывное развитие» – развитие человека в течение всей жизни, «тайминг» – значение времени наступления события в жизни человека, «связанные жизни» – взаимосвязь с жизнями других людей, «жизнь во времени и пространстве» – осуществление индивидуальных выборов в рамках исторического и институционального контекста, а также «человеческая агентность» – способность человека действовать.

Принцип «развитие человека в течение всей жизни» утверждает, что жизненный путь следует рассматривать как кумулятивный процесс. В нашем исследовании наблюдаемые расстояния между пожилыми людьми и членами их семей представляют собой результаты их предыдущих выборов в отношении их места жительства. Согласно принципу «тайминга» люди участвуют в различных социальных конфигурациях, которые меняются на протяжении жизни. Мы сосредоточили внимание непосредственно на важности географической близости членов семьи на одном этапе жизненного пути: в пожилом возрасте (Hareven 2012). Пожилые люди, вероятно, будут больше нуждаться в

практической поддержке близких родственников и, следовательно, иметь большую потребность в географической близости к другим членам семьи, чем люди на других этапах жизни. Более того, события, происходящие в разных жизненных сферах (например, ухудшение здоровья, овдовение), могут повлиять на выбор человека переехать к родственникам, если они живут далеко (Michielin, Mulder, Zorlu 2008; Thomas, Dommermuth 2020), или оставаться рядом, если они уже живут неподалеку (Hjälm 2012; Thomassen 2021). Другими словами, миграция или сохранение прежнего места жительства играют важную роль в достижении целей в других областях жизнедеятельности (Mulder 1993). Целевой ориентир быть ближе к членам семьи следует рассматривать как один из способов приспособиться к меняющимся потребностям.

Понятие «связанных жизней» предполагает, что жизни людей проживаются взаимозависимо. Таким образом, хотя миграция влияет на выбор места жительства переезжающих людей, она также влияет на выбор остальных членов их семей (Coulter, Ham, Findlay 2016). Переезд или его отсутствие может связывать жизненные траектории людей с влиянием локальных структурных факторов («жизнь во времени и пространстве»), поэтому географическая близость к членам семьи, вероятно, будет более важна в контекстах, где механизмы социального обеспечения и системы поддержки требуют более активного участия семьи в уходе (Mulder 2018). Наконец, согласно последнему принципу («человеческая агентность»), индивиды активно делают выбор, в том числе в отношении места своего проживания, чтобы построить свой собственный жизненный путь в рамках, сформированных более крупными социальными и политическими институтами. Важно отметить, что теоретическая перспектива жизненного пути является целостной. Модель признает наличие нескольких уровней при рассмотрении индивидуального опыта и выбора (на микроуровне) и того, как они связаны с социальными институтами, включая семью (мезоуровень), а также с социальными, экономическими и политическими силами макроуровня, такими как региональный и муниципальный контекст (Connidis, Barnett 2018).

Хотя принципы жизненного пути полезны для направления исследований и обеспечения контекста для интерпретации результатов (George 2003), обычно требуются дополнительные теоретические объяснения того, как на самом деле работает социальная жизнь (Connidis, Barnett 2018). В связи с этим мы использовали несколько теоретических моделей для выяснения нюансов выбора места проживания пожилыми людьми и членами их семей. Первая – это трехэтапная модель миграции в пожилом возрасте Е. Литвака и С.Ф. Лонгино (Litwak, Longino 1987), которая связана с принципом «тайминга» концепции жизненного пути. Эта модель выделяет три типа перемещений, которые происходят после выхода на пенсию: удобство, комфорт и институциональные перемещения. Первый тип обычно предполагает миграцию в более благоприятные места, подходящие для образа жизни после выхода на пенсию. Переход на «вторую стадию» происходит, когда пожилые люди – часто после смерти своего партнера – приобретают хронические заболевания и переезжают ближе к членам семьи, способным ухаживать за ними (обычно к своим детям). «Третий этап» – это адаптация к дальнейшему увеличению потребностей в уходе, которые можно удовлетворить в институциональных условиях. Еще одна использованная нами теоретическая рамка – модель развития географической близости между поколениями, представленная Г. Лином и П.А. Роджерсоном (Lin, Rogerson 1995) – относится к принципу «связанных жизней». Согласно упомянутой модели географическая близость между поколениями развивается на разных этапах жизненного пути родителей и детей и может

быть особенно важна, когда потребности родителей в уходе становятся более выраженными, что приводит к увеличению вероятности географической конвергенции родителей и детей.

В нашем исследовании трехэтапная модель миграции применялась для обоснования местоположения взрослых детей, братьев и сестер как возможного пункта назначения для переезда на «втором этапе» в пожилом возрасте. Эта модель также легла в основу гипотез о связи между географической близостью пожилых людей к членам семьи и переходом на «третий этап» в институционализированное учреждение интернатного типа. В то же время модель развития географической близости поколений была применена, чтобы проиллюстрировать, как географическая конвергенция между поколениями может быть инициирована не только пожилыми родителями, но и их взрослыми детьми.

Теоретические модели социальной поддержки помогли сформировать гипотезы о семейной географической близости и о том, какие из них могут быть наиболее важными при выборе места проживания пожилыми людьми и членами их семей. Эти модели также помогли прояснить роль служб формального ухода в контексте близости проживания родственников. Гипотеза замещения (Shanas 1979) и иерархическая компенсаторная модель (Cantor 1979) предполагают, что пожилые люди ранжируют свои источники поддержки и что один из супругов обычно представляет собой первый вариант получения помощи, за которым следуют взрослые дети. Если эти члены семьи недоступны или неспособны удовлетворить существующие потребности, пожилые люди обращаются к другим родственникам (включая братьев и сестер) и лицам за пределами семьи, при этом официальные институционализированные формы ухода часто рассматриваются как наименее привлекательный вариант. Модель функциональной специфичности отношений (Connidis, McMullin 1994; Simons 1984) добавляет гибкости упомянутым выше гипотезе замещения и иерархической компенсаторной модели, допуская возможность того, что разные отношения с течением времени будут выполнять разные функции для людей. Например, согласно этой модели, могут существовать различия в том, как члены семьи договариваются об уходе и поддержке со стороны братьев и сестер или племянниц/племянников в зависимости от того, есть ли у пожилого человека супруг и/или дети. Согласно модели специфичности задач (Litwak 1985), предоставление поддержки выборочно делится между неформальными и формальными источниками ухода. То, каким образом распределяются задачи, может зависеть от доступности услуг по уходу, финансируемых государством, юридических обязательств по поддержке нуждающихся родственников и мнения общества относительно того, должно ли в большей степени государство или члены семьи нести ответственность за уход за пожилыми людьми (Haberkern, Szydlik 2010).

Взгляды К. Мулдер (Mulder 2018) на отношения между внутренней миграцией и семейными связями помогают объяснить роль семьи, проживающей отдельно, в выборе места проживания пожилыми людьми. Общая идея, лежащая в основе её подхода, заключается в том, что люди обычно ценят географическую близость членов своей семьи и могут учитывать местонахождение сразу нескольких членов семьи, проживающих отдельно, при принятии решения о том, уехать или остаться. С одной стороны, наличие членов семьи поблизости представляет собой капитал, специфичный для каждого конкретного места (DaVanzo 1981: 45), что может иметь сдерживающий миграцию эффект. С другой стороны, наличие целой группы членов семьи, живущих в другом месте, в

сравнении с наличием в этом месте только одного члена семьи, усиливает привлекательность данного отдаленного места проживания для миграции.

Исходя из предположения, что мужчины и женщины делают разный выбор, в том числе в зависимости от места жительства, гендерные различия также являются важным фактором (Silverstein, Angelelli 1998). Одна из причин этого заключается в том, что мужчины и женщины часто различаются по силе семейных связей (Blaauboe 2010; Saugeres 2009). По сравнению с мужчинами женщины, как правило, берут на себя большую роль в уходе за членами семьи (Grigoryeva 2017), и это часто касается ухода именно за пожилыми родителями и нездоровыми супругами. Кроме того, учет гендерных различий важен при исследовании использования профессиональных услуг по уходу, поскольку женщины, как правило, используют больше услуг, чем мужчины, которые часто полагаются на поддержку своих жен (Mørk et al. 2018).

Это исследование также учитывает другие факторы, которые, как известно, связаны с мобильностью людей, включая социально-демографические характеристики и человеческий капитал, специфичный для места проживания.

Контекст исследования: Норвегия и Швеция

Исследования, представленные в этой статье, основаны на данных Норвегии и Швеции. В 2019 г. из 5,3 млн человек, проживающих в Норвегии, 17% были старше 65 лет, как и 20% населения Швеции, составляющего 10,2 млн человек (World Bank 2020a). Плотность населения в обеих странах низкая: 14 человек на км² в Норвегии и 25 человек на км² в Швеции. Примечательны различия в плотности населения в разных областях (Hjälm 2011). Большая часть населения в обеих странах проживает в урбанизированных районах, и только 12% проживают в сельской местности (World Bank 2020b).

Норвегия и Швеция имеют схожие подходы к социальному обеспечению. Государственные программы в обеих странах предлагают высокий уровень социальной поддержки, финансируемый за счет относительно высоких налогов (Trost, Levin 2005). Основные службы социального обеспечения в сфере здравоохранения и ухода за престарелыми, социальные услуги и образование получают государственное финансирование, и государство берет на себя более значительную часть ответственности за уход за пожилыми людьми, чем в других частях Европы (Trost, Levin 2005). Обе страны также отличаются высоким уровнем эгалитарности с точки зрения образовательных и экономических возможностей и известны высоким процентом женщин, вовлеченных в рынок труда (Løken, Lommerud, Lundberg 2013; Nilsen, Brannen 2012).

В обеих странах семейное законодательство гласит, что дети и другие члены семьи не несут ответственности за уход за взрослыми и что существует всеобщее право на получение ухода в пожилом возрасте (Szebehely, Meagher 2018). В целом Норвегия тратит на такие услуги около 3,3% своего ВВП, а Швеция чуть ниже – 3,2% ВВП (OECD 2019). В Норвегии в случае проживания в доме престарелых ожидается, что пользователи будут вносить 15% стоимости, в то время как уход на дому является бесплатным, а плата за практическую помощь зависит от дохода (Szebehely, Meagher 2018). В Швеции плата за услуги зависит от дохода и составляет около 5% от общих затрат вплоть до максимальной ежемесячной платы (Johansson, Noren, Wikstrom 2010; Szebehely, Meagher 2018).

Долгое время услуги по уходу за престарелыми в странах Северной Европы считались достаточно качественными для того, чтобы привлекать все социальные группы

(Szebehely, Trydegård 2012). В ответ на давление, вызванное финансовыми кризисами, ускоряющимся старением населения и конкуренцией за ресурсы со стороны программ для других уязвимых социальных групп, доля взрослых в возрасте 65 лет и старше, получающих долгосрочный уход на дому или в специализированных учреждениях по уходу, снизилась в период с 2007 по 2017 г. с 17,9 до 15,7% в Норвегии и с 17,5 до 16,2% в Швеции (OECD 2019). Охват услугами по уходу в интернатных учреждениях снижается одновременно с увеличением охвата услугами на дому. В период с 2007 по 2017 г. доля получателей длительного ухода на дому выросла с 68 до 73% в Норвегии и с 63 до 73% в Швеции (OECD 2019). Некоторые исследователи воспринимают эти изменения как деуниверсализацию ухода за пожилыми людьми, сопровождающуюся увеличением использования самофинансируемых услуг (Sivesind 2017; Szebehely, Meagher 2018), в то время как другие интерпретируют эти изменения как реакцию на желание оставаться в своих домах как можно дольше (OECD 2019).

Независимо от интерпретации, существуют явные признаки того, что в Норвегии и Швеции сокращение охвата услугами по уходу за престарелыми сопровождалось увеличением помощи пожилым со стороны семьи. Рефамилизация наблюдается в Швеции с 1980-х годов (Johansson, Sundström, Hassing 2003; Szebehely, Trydegård 2012; Ulmanen, Szebehely 2015). Данные также указывают на аналогичные тенденции в Норвегии (Szebehely, Meagher 2018). Кроме того, в обоих странах существует строгий принцип муниципального самоуправления, поэтому именно местные власти в Норвегии и Швеции определяют право на получение помощи и объем предоставляемых услуг. Несмотря на то, что национальное законодательство гласит, что все пожилые люди имеют право на уход, независимо от условий проживания, географического положения и ресурсов муниципалитета, между муниципалитетами в обеих странах существуют различия в величине порога, с которого начинается право на уход, в качестве услуг и расходах на уход за престарелыми (Jensen, Lolle 2013; Meagher, Szebehely 2013; Trydegård, Thorslund 2010). Поскольку муниципальные различия нельзя объяснить территориальной неоднородностью в потребностях пожилых людей, исследователи выразили обеспокоенность по поводу географического неравенства в доступе к услугам по уходу за престарелыми во всех странах Северной Европы (Szebehely, Meagher 2018). Согласно исследованию, проведенному в Норвегии, доступность семейной помощи иногда учитывается при оценке потребностей пожилых людей и принятии решения о предоставлении услуг по долгосрочному уходу (Jakobsson et al. 2016).

Что касается территориальной доступности взрослых детей пожилых людей (в возрасте 55+), то в 63,3% диад отцов и детей и 64,3% диад матерей и детей в Норвегии в 2015 г. взрослый ребенок жил в пределах 20 км от жилища родителя (Thomas, Dommermuth 2020). В 2015 г. в Швеции в 56,5% диад отцов и детей и 59,2% диад матерей и детей ребенок проживал в пределах 20 км от места жительства родителя (расчеты автора). Как и во многих других странах, в Норвегии и в Швеции продолжается централизация, а отдаленные муниципалитеты с самой низкой плотностью населения теряют человеческий капитал из-за внутренней миграции (Eliasson, Haapanen, Westerlund 2019; McArthur, Thorsen 2010). Это важный тренд, поскольку пожилые люди часто проживают в сельской местности, где рынок труда и возможности получения образования для их взрослых детей могут быть ограничены. Большие расстояния между родителями и детьми, а также между пожилыми людьми и структурами, предоставляющими профессиональные услуги по уходу,

могут стать препятствием для межпоколенческой поддержки и предоставления услуг формального ухода в этих отдаленных муниципалитетах (Lundholm 2015).

Основные исследовательские задачи и гипотезы

Чтобы ответить на основной вопрос исследования об изменениях в географической близости между пожилыми людьми и членами их семей, а также о переезде пожилых людей в специализированные учреждения по уходу, были рассмотрены четыре вопроса:

- как потребности пожилых родителей в профессиональном уходе связаны с вероятностью географической дивергенции поколений?
- как серьезные проблемы со здоровьем у пожилых родителей связаны с вероятностью географической конвергенции между поколениями и институционализацией родителей?
- как географическое расстояние и гендер взрослого ребенка, проживающего ближе всех к родителям, а также число детей связаны с вероятностью переезда пожилых людей с серьезными проблемами со здоровьем или без них в специальные учреждения?
- как отсутствие основных членов семьи (супруга и детей) или недавнее овдовение связаны с переездом к братьям и сестрам, проживающим далеко?

В дополнение к различным жизненным обстоятельствам пожилых людей, связанным с особыми потребностями, мы применяем четыре фактора, чтобы объяснить изменения в географической близости семей и институционализации пожилых людей. Первый фактор – *связи с другими членами семьи*. Мы изучаем, как географическая дивергенция и конвергенция родителей и детей, а также переезды к живущим далеко братьям и сестрам обусловлены территориальной близостью к другим членам семьи и родственникам, а именно к другим взрослым детям, братьям и сестрам, родителям, племянникам/племянницам. Вторым дополнительным фактором является *гендер пожилых людей и членов их семей*. Чтобы изучить возможные гендерные различия, модели стратифицированы по гендеру родителей, а гендер взрослого ребенка включен в качестве объясняющей переменной, либо объясняющая переменная описывает гендерный состав диады: пожилой человек – далеко живущий сиблинг. Наш третий дополнительный фактор – *использование государственных услуг по уходу* в географической дивергенции родителей и детей. Четвертый фактор – *местный контекст условий жизни*, а именно центральность положения муниципалитета, в географической дивергенции поколений.

Особенности использованных данных

Исследование основано на крупномасштабных данных административных регистров населения Норвегии и Швеции.

В случае Норвегии использованы данные о социально-демографических и жилищных характеристиках жителей страны в возрасте 65 лет и старше, а также данные об их взрослых детях в период с 2014 по 2016 г. Информация о потребностях родителей в профессиональном уходе и использовании официальных услуг по уходу была получена из Национального реестра статистики муниципальных услуг здравоохранения и ухода (IPLOS), индивидуального анонимизированного реестра, который содержит информацию обо всех, кто подал заявку или получил муниципальные услуги в сфере здравоохранения и

ухода в Норвегии. Контекстная информация была получена из Системы государственной отчетности муниципалитетов (KOSTRA), которая предоставляет агрегированную информацию о деятельности муниципалитетов.

В случае Швеции мы извлекли из регистра населения информацию о пожилых людях в возрасте 70-84 года и 80 лет и старше и связали их с членами их семей, проживавшими в стране в период с 2012 по 2016 г. Регистр включает такую ключевую демографическую информацию, как дата рождения, пол и страна рождения. Информация о «близости даты смерти» была получена из регистра смертных случаев. Члены семьи связаны друг с другом посредством специального регистра поколений. Ежегодно обновляемая социально-экономическая информация об интересующем нас населении (включая семейное положение и изменения в брачно-партнерском статусе) была получена из лонгитюдной объединенной базы данных для медицинского страхования и исследований рынка труда (LISA). Информация о жилищах людей, в том числе о том, проживают ли они в интернатных учреждениях, была получена из шведского регистра домохозяйств. Информация на муниципальном уровне о доле людей в возрасте 80 лет и старше, получающих уход на дому и в специализированных учреждениях в каждом муниципалитете, была получена из открытой базы данных официальной статистики по уходу за престарелыми в Швеции (The National Board...2019).

Методы анализа данных

В исследовании использованы методы многоуровневой логистической регрессии и полиномиальной логистической регрессии. Мы работаем с разными единицами анализа: диады «пожилой человек – географически близкий ребенок», диада-год «пожилой человек – далекий ребенок», диада-год «пожилой человек и все его дети как группа» и диада-год «пожилой человек – далеко живущий сиблинг». Мы выбрали диадический подход, поскольку он позволяет учитывать характеристики пожилого человека и каждого интересующего нас члена семьи и в то же время включать обобщенную информацию о семейной группе. Чтобы избежать двойного учета и корреляции результатов между супругами, мы используем отдельные модели для пожилых женщин и пожилых мужчин. Важной особенностью моделирования данных является то, что единицы анализа группируются внутри диад, внутри пожилых людей или и там, и там, что приводит к нарушению стандартного предположения о независимости наблюдений. Кроме того, мы рассматриваем муниципалитет как дополнительный уровень, на котором могут возникать различия в миграционной активности или институционализации. Чтобы адекватно учесть эту иерархичность данных, мы используем многоуровневые модели или одноуровневые модели с многофакторной кластеризацией стандартных ошибок.

Результаты исследования²

Как потребности пожилых родителей в формальном уходе связаны с вероятностью географической дивергенции поколений?

Географическая близость между поколениями может быть особенно важна для пожилых людей, имеющих проблемы со здоровьем. Для близко живущих друг к другу родителей, нуждающихся в уходе, и их взрослых детей географическое разделение может снизить способность детей помогать своим родителям. В нашей работе (Artamonova, Syse 2021) мы исследовали связь между потребностями пожилых людей в формальном уходе и вероятностью межпоколенческой географической дивергенции. Ключевой вывод заключается в том, что переход от ситуации отсутствия потребностей к любому уровню потребности в формальном уходе связан с уменьшением вероятности географической дивергенции поколений. Гендер родителей также имеет значение. Мы обнаружили, что по сравнению с диадами, в которых у родителей нет формальных потребностей в уходе, отцы (но не матери) и их дети с меньшей вероятностью удаляются друг от друга, если у отцов наблюдается средний уровень потребностей в уходе без тенденции к росту.

Хотя целью социальной помощи пожилым людям является повышение независимости пожилых людей от своих родственников, у членов семьи с большой вероятностью по-прежнему будет мотивация оставаться рядом, чтобы контролировать качество государственных услуг по уходу. Мы обнаружили, что использование ухода на дому снижает вероятность дивергенции для матерей, в то время как использование институционального ухода снижает вероятность дивергенции для отцов. Предполагая, что географическая близость взрослого ребенка может быть менее необходимой, если брачный партнер родителя может контролировать предоставление профессиональных услуг, мы проверили данные на наличие сглаживающего эффекта от присутствия партнера пожилого человека на связь между использованием родителями формального ухода и вероятностью дивергенции родителей и детей. Анализ показал, что использование ухода на дому среди матерей (но не отцов), не живущих с партнером, снижает вероятность дивергенции.

Что касается роли особенностей семейной структуры и местонахождения других членов семьи, то пожилые родители и взрослые дети имеют меньшую склонность к дивергенции, если у родителя только один ребенок и если рядом проживают родители партнеров/супругов взрослых детей. Кроме того, результаты не указывают на статистически значимые различия в вероятности географической дивергенции между родителями и детьми по гендеру ребенка.

Наконец, поскольку географическая близость между поколениями, вероятно, более важна в местах с ограниченным доступом к государственным услугам по уходу, мы рассмотрели роль регионального контекста. Результаты показывают, что между муниципалитетами существуют различия в вероятности географической дивергенции

² В данной статье из экономии места опущены спецификации использованных моделей, таблицы с результатами расчетов и тестов всевозможных проверок полученных оценок, так как они подробно представлены в наших публикациях (Artamonova, Gillespie, Brandén 2020; Artamonova, Gillespie 2022; Artamonova, Syse 2021; Artamonova et al. 2021).

родителей и детей. Родители и их взрослые дети, живущие в более центральных районах, реже территориально удаляются друг друга, чем те, кто живет в более отдаленных районах.

Как серьезные проблемы со здоровьем пожилых родителей связаны с вероятностью географической конвергенции поколений и институционализации родителей?

Переход пожилых людей к зависимости от заботы окружающих на заключительном этапе их жизни может побудить географически отдаленных родителей и детей сблизиться друг с другом или обратиться к официальным службам по уходу. В соответствующей работе (Artamonova, Gillespie, Brandén 2020) мы рассмотрели роль, которую серьезные проблемы со здоровьем пожилых людей играют в их переездах, в том числе в дома престарелых, а также в переселении их далеко живущих взрослых детей. Ключевой вывод заключается в том, что, хотя серьезные проблемы со здоровьем связаны с повышенной вероятностью переезда родителей ближе к своим детям или в учреждения, такой связи не было обнаружено для переезда детей ближе к родителям.

Что касается гендерных различий в вероятности межпоколенческой географической конвергенции, было обнаружено, что пожилые матери с большей вероятностью переезжают ближе к дочерям, чем к сыновьям. С другой стороны, результаты не указывают на связь между гендером ребенка и перемещением отцов ближе к детям. Никакой связи между гендером далекого живущего ребенка и вероятностью его переезда ближе к родителю не обнаружено ни у матерей, ни у отцов.

Что касается роли связей родителей с другими членами семьи, то пожилые матери и отцы, у которых есть другие дети, живущие поблизости, с меньшей вероятностью переезжают к далеко живущему ребенку или в интернатные учреждения, чем те, у которых не было других детей, живущих в радиусе 10 км. Присутствие хотя бы одного ребенка рядом с родителями также увеличивает вероятность того, что другой, более географически отдаленный, ребенок переедет жить в радиус 10 км от родителя.

Что касается роли связей взрослых детей с другими членами семьи, то пожилые люди, у которых есть как минимум два живущих далеко ребенка, которые при этом проживают в пределах 10 км друг от друга, с большей вероятностью переедут к ним ближе, чем родители, у которых есть географически удаленный ребенок, но без братьев и сестер, проживающих в радиусе 10 км друг от него/неё. Связь между наличием двух или более удаленных детей, живущих в непосредственной близости друг от друга, и переездом удаленного ребенка ближе к родителю является положительной, но не статистически значимой.

Как географическое расстояние и гендер взрослого ребенка, проживающего ближе всех к родителям, а также число детей связаны с вероятностью переезда пожилых людей с серьезными проблемами со здоровьем или без них в дома престарелых?

Поддержка и компания взрослых детей, особенно если хотя бы один из них живет поблизости, могут иметь важное значение для того, чтобы родители могли стареть дома. В своей работе (Artamonova et al. 2021) мы исследовали различия в связи между гендером, числом и близостью детей и переездом пожилых людей в специализированные учреждения в зависимости от состояния здоровья родителей. Как и ожидалось, серьезные проблемы со здоровьем связаны с более высокой склонностью к переезду в дома престарелых. Ключевой вывод заключается в том, что наличие ребенка, проживающего

поблизости, снижает вероятность переезда в интернатное учреждение с более выраженным эффектом для матерей с серьезными проблемами со здоровьем, чем для матерей с лучшим здоровьем. Также мы не обнаружили доказательств существования смягчающего влияния здоровья родителей ни на связь между наличием ребенка поблизости и вероятностью институционализации отца, ни на связь между числом детей и вероятностью институционализации матери или отца.

Что касается взаимосвязи между различными характеристиками группы детей и институционализацией родителей, то расстояние до ребенка, проживающего ближе всего к родителю, оказалось более важным фактором, определяющим вероятность помещения в учреждение, чем гендер ближайшего ребенка или число детей. Вероятность перехода в специализированное учреждение значительно ниже, когда пожилые родители живут в том же домохозяйстве или в том же районе, что и взрослые дети, по сравнению с тем, когда они живут вдали от своих детей. Влияние наличия рядом детей на вероятность переезда в дом престарелых сильнее для матерей, чем для отцов. Вероятность смены места проживания последовательно возрастает с увеличением расстояния до ближайшего ребенка. Хотя дочери обычно больше заботятся о своих пожилых родителях, чем сыновья, мы не обнаружили статистически значимых различий между ситуациями, когда ближайшим ребенком является сын или дочь. Мы также не нашли доказательств наличия связи между числом детей и вероятностью переезда в специальные учреждения. Тем не менее пожилые матери и отцы с большей вероятностью переедут в другое место, если у них трое или более детей, и с меньшей вероятностью сделают это, если у них только один ребенок.

Поскольку взрослые дети являются близкими членами семьи и обычно обеспечивают своим пожилым родителям контакт и поддержку, пожилые люди без детей, скорее всего, будут нуждаться в услугах формального ухода. Основываясь на этом представлении, мы сравнили модели перехода в систему институционализированного ухода пожилых людей с детьми и без них. Пожилые женщины без детей имеют те же шансы институционализации, что и те, чей ближайший ребенок живет на расстоянии более 20 км. Мужчины без детей с такой же вероятностью переезжают в дома престарелых, как и отцы, чей ближайший ребенок живет в радиусе 20 км. Эти данные показывают, что релокация бездетных пожилых не сильно отличается от поведения их сверстников с детьми.

Как отсутствие близких членов семьи или недавняя потеря партнера связаны с переездом к братьям и сестрам, проживающим далеко?

Хотя братья и сестры, как правило, являются постоянными членами социальных сетей и, вероятно, играют особенно важную роль в жизни людей, стареющих без партнеров и взрослых детей, роль сиблиングов в миграции пожилых людей остается в значительной степени неисследованной. Степень, в которой переезд ближе к сиблингам в пожилом возрасте связан с наличием партнеров и взрослых детей (т. е. ближайших членов семьи, традиционно являющихся опекунами и компаньонами), была нами описана в соответствующей работе (Artamonova, Gillespie 2022). Ключевой вывод заключается в том, что отсутствие детей, вдовство, развод или невступление в брак повышают вероятность перемещения ближе к братьям и сестрам, проживающим далеко (не менее 50 км от пожилого человека).

Учитывая, что недавнее овдовение могло с большей вероятностью спровоцировать миграцию, чем длительное проживание без партнера, мы различали тех, кто остался в

одном и том же семейном статусе между нашими волнами наблюдения (оставался в браке, оставался в разводе, оставался овдовевшим), и тех, кто менял статус между волнами: молодожены, недавно разведенные и недавно овдовевшие. Результаты показывают, что по сравнению с сохранением брака все эти состояния и переходы, за исключением вступления в партнерство/брак, увеличивают вероятность территориального сближения с дальними братьями и сестрами.

Поскольку отсутствие обоих типов близких членов семьи приводит к недостатку поддержки, мы исследовали роль пересечения отсутствия партнеров и детей в миграционном поведении пожилых людей. Было обнаружено, что по сравнению с пожилыми людьми, у которых есть партнер и хотя бы один ребенок, те, у кого нет ни партнера, ни ребенка, с большей вероятностью переезжают ближе к территориально далеким сиблингам. Аналогичные, но меньшие эффекты были обнаружены у пожилых с партнером, но без детей, а также у пожилых без партнера, но хотя бы с одним ребенком. Примечательно, что по сравнению с теми, у кого есть и партнер, и хотя бы один ребенок, те, у кого нет детей, с меньшей вероятностью переедут куда-либо (т. е. не к братьям и сестрам), независимо от того, есть у них партнер или нет, в то время как те, у кого есть дети, сделают это с большей вероятностью, что, вероятно, указывает на переезды к взрослым детям.

Продолжая изучение семейных связей, мы дополнительно рассмотрели, связаны ли и каким образом местонахождение детей, других братьев и сестер, а также племянников/племянниц и миграция к территориально удаленным сиблингам. Мы обнаружили отрицательную связь между наличием одного или нескольких детей поблизости и вероятностью переезда поближе к дальнему брату или сестре или в другое место. Точно так же наличие хотя бы одного брата или сестры в радиусе 10 км отрицательно связано с вероятностью переезда к далеко живущим сиблингам или куда-либо еще. Как и ожидалось, проживание детей пожилого рядом с его братьями и сестрами увеличивало вероятность переезда по направлению к этому кластеру родственников. Модели также показывают, что наличие дополнительных братьев и сестер в непосредственной близости от проживающего вдали сиблинга увеличивает вероятность переезда ближе к ним, но немного снижает вероятность миграции в другое место. Территориальная близость племянников/племянниц к дальнему сиблингу, по-видимому, не значительно увеличивает эффект притяжения этого брата или сестры с точки зрения миграции даже для пожилых людей без детей.

Что касается гендерных различий, то по сравнению с диадами пожилых женщин и их географически дальних сестер пожилые люди в диадах другого гендерного состава менее склонны переезжать в сторону братьев и сестер, хотя разница между диадами сестра-сестра и сестра-братья лишь незначительно статистически значима.

Содержательный и теоретический вклад исследования

Рассматривая вопрос о том, как жизненные обстоятельства пожилых людей связаны с миграционной активностью этих людей и их родственников, данное исследование вносит вклад в изучение внутренней миграции, старения, семейных отношений и социального обеспечения. Общий ответ на исследовательский вопрос заключается в том, что жизненные обстоятельства пожилых людей, связанные с их потребностями, сдерживают географическую дивергенцию поколений и стимулируют перемещение по направлению к взрослым детям, братьям и сестрам и переезд в интернатные учреждения. Эти результаты в целом подтверждают представление о миграции и иммобильности как инструментах приспособления к жизненным обстоятельствам, наблюдаемым в других областях жизненного цикла (Mulder 1993), а в случае данного исследования – к возрастающим потребностям в заботе в пожилом возрасте.

Наше исследование, во-первых, вносит эмпирический вклад в изучение внутренней миграции с точки зрения семейных связей, демонстрируя, что выбор места может быть мотивирован не только улучшением условий жизни, целями образования и занятости людей, но также может быть сделан в ответ на потребности пожилых членов семьи и, вероятно, стремлением поддержать семейную солидарность. Наши результаты подчеркивают важность проживающих за пределами домохозяйства членов семьи как в качестве сдерживающего фактора для переезда, когда члены семьи живут поблизости, так и в качестве привлекательности для миграции в направлении места жительства родственников. Важным следствием наших выводов является то, что в миграционных исследованиях следует учитывать местонахождение членов семьи.

Вторым важным вкладом этого исследования является то, что мы задокументировали роль целого ряда жизненных обстоятельств пожилых людей (потребности в профессиональном уходе, серьезные проблемы со здоровьем, отсутствие близких членов семьи или недавняя потеря партнера) в их выборе переехать к родственникам, если они живут далеко, или остаться рядом с ними, если они уже живут поблизости. Кроме того, мы предоставили новое понимание различий между ролями особых жизненных обстоятельств, представленных *переходами и статусами*, во внутренней миграции и в отсутствии мобильности. Мы исследовали роль потребностей в профессиональном уходе и изменений в них, включая возникновение потребностей. Мы провели различие между пребыванием в одном состоянии партнерства и переходом между статусами. В анализе, лежащем в основе этой работы, средние предельные эффекты были выше там, где происходили переходы, чем там, где статус человека оставался неизменным, а это означает, что территориальная близость семьи особенно актуальна во время изменений.

В-третьих, наше исследование вносит двойной вклад в трехэтапную модель миграции в пожилом возрасте Литвака и Лонгино (Litwak, Longino 1987). Первое, и самое главное, мы делаем дополнение к модели. На сегодняшний день большинство исследований сосредоточено на изменениях в географической близости между поколениями, уделяя меньше внимания роли внутрипоколенческих семейных связей во внутренней миграции пожилых людей. Наше исследование подчеркнуло роль одного из таких типов связей (братьев и сестер) и продемонстрировало, что не только дети, но и братья и сестры могут стать направлением переезда на «втором этапе» модели.

В-четвертых, наше исследование, основанное на данных административных регистров населения, которые охватывают все население Швеции, показывают, что место проживания взрослых детей может быть направлением переезда, когда у пожилых людей есть серьезные проблемы со здоровьем, – результат, соответствующий «второму этапу» модели. Наши выводы о повышении вероятности переезда в специализированные учреждения по уходу, когда здоровье пожилых ухудшается, а поблизости нет взрослых детей, также согласуются с тем, что известно о переезде на «третьем этапе».

В-пятых, рассматривая (1) переезд пожилого к взрослому ребенку, (2) институционализацию и (3) переезд взрослого ребенка к пожилому родителю как множественные риски в одном анализе, мы расширяем существующие знания о семейных стратегиях реагирования на потребности пожилых людей. Результаты, согласующиеся с выводами Смитса (Smits 2010), демонстрируют, что, хотя жизненные пути родителей и детей связаны, наиболее вероятно, что нуждающийся член семьи переедет к тому, кто готов оказывать помощь, а не наоборот. В качестве важного дополнения к выводам Смитса (Smits 2010) мы обнаружили, что, когда дети переезжают даже к очень старым родителям, это часто происходит в ответ на их собственные жизненные обстоятельства. Эти выводы в значительной степени способствуют развитию дискуссий о направлениях потоков поддержки между поколениями. Некоторые исследования показывают, что поддержка, которую родители оказывают детям, снижается с возрастом родителей, в то время как поддержка, которую они получают от них, увеличивается (Kalmijn 2019; Rossi, Rossi 1990). Однако есть также свидетельства того, что родители старше 70 лет остаются поставщиками финансовой и социальной поддержки для своих взрослых детей (Albertini, Kohli, Vogel 2007). Таким образом, исследователи должны быть осторожны, делая предположения о том, что пожилые люди – единственные, кто нуждается в поддержке, поскольку наши результаты показывают, что территориальная близость к родителям может быть выгодна для взрослых детей, даже если родители старше 80 лет.

Размышления о данных и методах

Особенности диадического подхода к исследованию изменений в географической близости семьи

Исследования пожилых людей и их членов семьи традиционно фокусировались на близости отношений между поколениями, а также на обмене поддержкой внутри поколений (Carr, Utz 2020). За последнее десятилетие стало обычным явлением использование подходов, основанных на диадических и внутрисемейных различиях, которые учитывают характеристики как родителей, так и детей. Хотя первоначально исследователи, работающие с диадными данными, в основном рассматривали одного ребенка, признавая, что дети из одной семьи могут иметь различный опыт, за последнее десятилетие исследователям удалось собрать информацию или использовать вторичные данные, например, из регистров поколений, о родителях и нескольких их детях сразу. Работы (Malmberg, Pettersson 2007; Pettersson, Malmberg 2009; Thomas, Dommermuth 2020) являются яркими примерами исследований географической близости между поколениями и ее изменений на основе комплексных наборов данных, включающих информацию о родителях и нескольких взрослых детях. Такие исследования особенно ценные для изучения того, к каким результатам для родителей приводят их отношения с каждым ребенком (Carr, Utz 2020).

В нашем исследовании мы использовали диадный подход и наблюдали за пожилыми людьми и их миграционным поведением в зависимости от характеристики всех их детей как группы. Рассмотрение диад позволило нам учесть характеристики пожилых и их детей или братьев и сестер и в то же время включить информацию о других членах семьи за пределами диад. Важно отметить, что единицы анализа были распределены по пожилым людям и/или вложены в категорию пожилых людей. Следовательно, для адекватного учета иерархичности данных и взаимозависимостей между членами семьи мы оценивали многоуровневые модели или одноуровневые модели с многофакторной кластеризацией стандартных ошибок.

Исходя из нашего опыта диадного анализа, мы хотели бы подчеркнуть, что моделирование вероятности географической конвергенции и дивергенции семей, особенно конвергенции между пожилыми людьми и их далеко живущими сиблингами, не всегда является простым, даже когда доступна информация обо всем населении. Трудность задачи состоит в том, как выбрать единицу анализа и смоделировать результат таким образом, чтобы избежать двойного учета наблюдений. В случае родителей и детей решением было рассмотреть отдельно категории «матери-дети» и «отцы-дети» и смоделировать вероятность конвергенции и дивергенции между поколениями, учитывая, что родитель, ребенок или оба могут переехать.

Одним из решений для сиблингов было установить строгие правила выбора индексного человека – основного человека в диаде (основных людей для включения в анализ) и каждого из дальних братьев и сестер этих людей и сосредоточиться только на вероятности того, что индексный человек переедет к дальнему брату или сестре. Это решение, в отличие от одновременного моделирования вероятностей (1) перемещения индексного человека к дальнему брату или сестре и (2) перемещения дальнего сиблинга к индексному человеку, позволило нам включить всех пожилых людей, находящихся под риском перемещения к своим далеко живущим сиблингам, без дублирования единиц анализа. Тем не менее потенциальная проблема этого подхода заключается в том, что, если несколько удаленных сиблингов были сгруппированы в одном месте, оценка вероятности движения к каждому из этих братьев и сестер может быть смещена, несмотря на многофакторную кластеризацию стандартных ошибок. Однако результаты проверки чувствительности, которая включала случайный выбор дальних братьев и сестер (на основе средних предельных эффектов для ключевых независимых переменных), были практически такими же, как и результаты основных моделей, что означает, что используемый подход был относительно надежным.

Особенности данных

На рассматриваемые в данной статье вопросы о связи жизненных обстоятельств пожилых людей с (не)миграцией как их собственной, так и их родственников, во многом можно ответить, используя данные развитых административных регистров. Характеристики данных регистров, которые делают их пригодными для изучения этой связи, включают: 1) охват всего населения и, следовательно, отсутствие проблем, связанных с небольшими размерами выборки; 2) возможность связать пожилых людей со всеми членами их семьи (в данной работе – партнерами, детьми, братьями и сестрами и, в некоторых моделях, племянницами и племянниками); 3) нет необходимости утомлять респондентов длинными вопросниками; 4) низкий риск ошибок в данных, что более подробно обсуждается ниже, когда мы рассматриваем ограничения данных; 5) независимость от самоотчетов

участников и от точек зрения включенных в выборку лиц; 6) богатая информация о большом количестве социально-экономических переменных; 7) возможность включения членов семьи пожилых людей как внутри домохозяйства, так и за его пределами.

Существующие данные обследований и переписей населения, а также данные, собранные с помощью качественных методов, не могут претендовать на все вышеперечисленные преимущества регистрационных данных. Конечно, существуют заслуживающие внимания исследования, посвященные изменениям географической близости между поколениями, основанные на данных опросов (Silverstein 1995; Zhang, Engelman, Agree 2013; Ermisch, Mulder 2019; Hünteler, Mulder 2020), и территориальной близости к членам семьи на основе глубинных интервью (например, (Hjälm 2012; Thomassen 2021)). Следует также отметить, что качественные подходы успешно применялись для изучения опыта проживания рядом с семьей, но, насколько нам известно, не использовались для изучения опыта людей, переезжавших ближе к семье. Одной из причин этого является относительная редкость переездов, особенно пожилых людей и членов их семей, что затрудняет поиск информантов с соответствующим опытом. Одним из решений могла бы стать совместная работа исследователей и государственных отделов статистики естественного движения населения, которая могла бы помочь в определении выборки переезжавших на основе регистрационных записей о перемещении людей.

При интерпретации наших результатов следует учитывать как минимум четыре важных ограничения наших данных. Во-первых, у нас не было информации об отношениях между членами семьи и о контактах между ними. Мы использовали небольшое расстояние между зарегистрированными членами семьи в качестве прокси-показателя частых контактов и обмена поддержкой между ними. Однако люди часто решают и оценивают заново, с какими родственниками они будут поддерживать близкие отношения (Sauter, Widmer, Kliegel 2021). Действительно, некоторые родственники могут быть связаны как члены семьи (и даже жить рядом), но не иметь никаких контактов (Kolk 2014). Здесь предыдущие исследования показывают, что качество отношений может быть важной ковариацией при рассмотрении географической конвергенции между поколениями (Vergauwen, Mortelmans 2020). Другая причина, по которой важна информация о взаимоотношениях, заключается в том, что даже когда мы отслеживаем миграцию индексного человека в сторону сиблиングов и контролируем их место рождения, а также наличие ребенка, живущего рядом с сиблингом, мы не знаем из регистрационных данных близость с кем из этих родственников обеспечивала привлекательность для миграции пожилого человека.

Заметим, что достоверность рассчитываемых расстояний между членами семьи зависит от лиц, проживающих по зарегистрированному адресу проживания. Это может быть не всегда так, особенно вскоре после институционализации, когда пожилые люди, переезжая в дом престарелых, могут оставаться зарегистрированными по своему прежнему месту жительства. Кроме того, в регистре фиксируется только время, когда человек регистрируется по новому адресу: лица, которые не регистрируют свое передвижение, в данных регистра классифицируются как проживающие по прежнему адресу (Brandén 2013).

Как и другим исследователям, работающим с полными данными регистров, нам пришлось идти на компромисс между доступом к конкретной (иногда конфиденциальной) информации и точностью измерения других переменных.

Например, в первом описанном исследовании (Artamonova, Syse 2021) были наложены ограничения на доступ к данным в случае конфиденциальной информации о потребностях в формальном уходе и использовании долгосрочного ухода. Если говорить конкретнее, нам не разрешалось (1) использовать информацию о том, кто (родитель, взрослый ребенок или оба) уехал, (2) связывать друг с другом матерей и отцов взрослых детей и (3) использовать информацию о всех детях (только о трех старших). Во втором исследовании (Artamonova, Gillespie, Brandén 2020) у нас не было доступа к переменным, связанным со здоровьем, и мы были вынуждены использовать «близость к дате смерти» в качестве прокси-индикатора состояния здоровья. Хотя исследования показывают, что переезды вряд ли способствуют ухудшению здоровья пожилых людей (Vogup, Gallego, Heffernan 1979; Choi 1996), обратная причинно-следственная связь между переездом и ухудшением здоровья (и последующей смертью) всё же может быть проблемой. В четвёртом исследовании (Artamonova, Gillespie 2022) мы не могли использовать информацию о близости смерти: из-за ограничений в регистре поколений можно было проследить за индексными лицами только до 84 лет. Очень немногие из людей в возрасте 70-84 года были классифицированы как близкие к смерти, поэтому мы не включили эту меру в окончательные модели. Во всех наших исследованиях нам также не хватало некоторой важной информации о родителях и детях, например, о статусе собственника жилья, который, как известно, является предиктором внутренней миграции (Rogerson, Burr, Lin 1997; Silverstein 1995).

Несмотря на нашу работу с лонгитюдными данными, мы использовали только конкретные объединенные периоды времени и, таким образом, не раскрыли весь потенциал данных регистров за все годы. Причина этого заключалась в том, что некоторые ключевые переменные (например, потребности в профессиональном уходе, географические расстояния между родителями и детьми и проживание в учреждениях по уходу) были доступны только для ограниченного числа лет.

Результаты имели бы большую точность и конкретность, если бы было доступно больше информации, особенно касающейся здоровья пожилых людей, и за большее количество лет.

Если говорить о репрезентативности результатов, основанных на данных регистров, следует отметить, что их исследовательские выборки обычно охватывают все население конкретной страны за определенный период времени (Thygesen, Ersbøll 2014). Несмотря на то, что выборки в нашем исследовании включают всех жителей Норвегии или Швеции с интересующими нас характеристиками, наши наборы данных все равно можно рассматривать как выборки из гипотетического целевого населения, т. е. более крупной популяции во времени и в географическом пространстве (Thygesen, Ersbøll 2014). Таким образом, мы сочли использование статистической проверки гипотез целесообразным во всех наших исследованиях, несмотря на то, что влияние случайности заведомо было очень низким из-за большого количества наблюдений.

Размышления об измерении перемещений и территориальной близости членов семьи

Основные результаты, представляющие интерес в этой работе, связаны с географической дивергенцией и конвергенцией между поколениями, а также с переездом в учреждения по уходу и к далеким братьям и сестрам. Для измерения этих результатов необходимы географические данные о местах проживания пожилых людей и членов их семей. Норвежский набор данных включал только расстояния по прямой между географическими

координатами жилищ родителей и детей в виде категориальной переменной. Учитывая характер этой переменной, невозможно было отследить точные расстояния перемещения или определить проживание родителей и детей в одном домохозяйстве.

Из данных шведского регистра для каждого зарегистрированного лица был известен район проживания согласно статистике малых маркетинговых территорий (the Small Area of Marketing Statistics (SAMS). Территориальное деление SAMS основано на выделении районов в крупных муниципалитетах или на избирательных округах в небольших муниципалитетах, что делает районы SAMS достаточно надежным прокси-показателем для кварталов. Географические координаты средней точки районов SAMS использовали для расчета расстояний по прямой между точными географическими центрами (центроидами) SAMS районов проживания пожилых людей и членов их семей, а также для определения расстояний перемещения для тех, кто переехал. По данным (Niedomysl, Ernstson, Fransson 2017), которые сравнили фактические расстояния (т. е. прямые линии между центроидами участков площадью 100 × 100 м) с расстояниями между различными региональными центроидами, расстояния, полученные на основе центроидов муниципалитетов, являются достаточно точными оценками. Поскольку территории SAMS меньше муниципалитетов, наш прокси можно считать надежным. С учетом особенностей ландшафта фактические расстояния перемещений были бы лучшей альтернативой евклидовым расстояниям в Норвегии и Швеции, но у нас не было доступа к информации о таких расстояниях. Наличие идентификационных номеров жилых помещений позволило идентифицировать совместно проживающих членов семьи.

Измерить миграционную активность людей не всегда просто, поскольку существует множество определений понятий «переехавший» и «оставшийся» (Brandén 2013). Перемещение на определенное расстояние или через административную границу часто означает разные вещи в разных частях страны, особенно с учетом инфраструктурных различий. Точно так же сложно определить большие и короткие расстояния между членами семьи. (Lomax, Norman, Darlington-Pollock 2021) утверждают, что применение ограничений по расстоянию в миграционных исследованиях должно учитывать специфику населения и местного контекста и что решения об этих ограничениях должны приниматься со всей тщательностью в рамках разработки дизайна исследования. Мы последовали их совету, когда проводили границы между большими и короткими расстояниями между членами семьи, и принимали эти решения на основе сочетания теоретических рассуждений, методологических прецедентов и анализа чувствительности.

В исследовании проживание в радиусе 10 км от члена семьи рассматривали как проживание в непосредственной географической близости, а переезд в место, находящееся в радиусе 10 км от члена семьи, использован в качестве операционализации географической конвергенции. Порог в 10 км был выбран потому, что это расстояние можно преодолеть менее чем за 30 минут, что обеспечивает относительно частые контакты между поколениями и обмен поддержкой (Zhang, Engelmann, Agree 2013).

По сравнению с определением непосредственной географической близости в исследовании существует большее разнообразие определений большого или «недостаточно близкого» расстояния между членами семьи. В одном из наших исследований уменьшение близости между родителями и детьми классифицировано как дивергенция, если в результате расстояние превышает 45 км. В другом исследовании дети классифицируются как живущие «недостаточно близко», если они живут на расстоянии

более 20 км от района проживания родителей. Использование разных пороговых значений для больших (или «недостаточно близких») географических расстояний между родителями и детьми можно объяснить спецификой задач, которые решаются в разных разделах работы. Расстояние в 45 км соответствует среднему времени в пути примерно в один час в Норвегии, при котором, согласно исследованиям, уход и контроль за предоставлением профессиональных услуг по уходу становятся сложными (Cagle, Munn 2012). Порог в 20 км был выбран исходя из результатов исследования о критическом пороге расстояния, при котором уменьшается инструментальная межпоколенческая поддержка (Mulder, van der Meer 2009). С точки зрения примерного времени, затрачиваемого на дорогу, это расстояние составляет примерно 30 минут (Checkovich, Stern 2002).

Хотя предыдущие исследования рассматривали взаимосвязь между межпоколенческой географической близостью и заботой или контролем за оказанием профессиональных услуг, а пороговые значения расстояния, использованные в этих исследованиях, могли бы стать основой для нашего анализа, не существовало опубликованной информации о расстоянии между сиблингами, при котором контакты и обмен поддержкой усложняются, а географическая конвергенция становится желательной. В результате в нашем исследовании мы применили консервативную операционализацию внутренней миграции как переезда на расстояние не менее 40 км. При этом исходное расстояние между сиблингами не менее 50 км использовали, чтобы выбрать братьев и сестер, живущих далеко друг от друга.

Мы рассмотрели, как различные начальные и конечные пороговые значения расстояния повлияли на результаты нашего исследования и обнаружили, что предполагаемое воздействие в значительной степени нечувствительно к изменениям порогового значения расстояния ниже 10 км.

Перспективы будущих исследований

Наше исследование представило свидетельства связи между жизненными обстоятельствами пожилых людей, связанными с их особыми потребностями, и (не)миграцией как самих пожилых людей, так и членов их семей в Норвегии и Швеции. Представленные ниже исследовательские вопросы основаны на выводах и ограничениях нашего исследования, а также на текущих демографических и социальных изменениях.

Первое направление для будущих исследований связано с ограничениями, наложенными на доступность данных, а именно с тем, что мы не смогли определить, кто уехал (Artamonova, Syse 2021). Было бы полезно проанализировать, кто инициирует географическую межпоколенческую дивергенцию, когда родитель нуждается в уходе, насколько далеко родители и дети отдаляются друг от друга, а также факторы, которые могут быть связаны с расстоянием перемещения. Кроме того, поскольку мы не смогли связать матерей и отцов взрослых детей в том же разделе исследования, в нашем анализе рассматривали только наличие партнера родителя и предполагали, что он(а) здоров и способен заботиться о пожилом человеке, нуждающемся в уходе. Мы не смогли изучить, какой выбор места проживания делают родители и их близко живущие дети в ответ на проблемы со здоровьем обоих родителей. Насколько это возможно, в будущих исследованиях следует учитывать инвалидность как характеристику родительского домохозяйства.

Мы также не смогли определить, какие семейные связи стимулировали миграцию в тех случаях, когда пожилые люди переезжали к месту своего рождения, где все еще жили их братья и сестры, а также дети (Artamonova, Gillespie 2022). Знание о миграционных мотивах было бы особенно полезно при исследовании роли сиблингов. Мы можем лишь предположить, что при выборе места для переезда в пожилом возрасте наличие ребенка в непосредственной близости важнее, чем наличие рядом брата или сестры. Будущие исследования, выявляющие мотивы миграции, могут пролить свет на то, может ли желание быть рядом со своим сиблингом работать как независимый мотив. Кроме того, из наших данных было не ясно, какую роль играют братья и сестры друг для друга: предоставляющие уход, получатели ухода, компаньоны или другая роль. Дальнейшие исследования отношений между братьями и сестрами среди пожилых людей помогут определить, действительно ли сиблинги, особенно младшие, способны обеспечить надежный уход за растущим числом пожилых людей, не имеющих детей и партнеров.

Некоторые из ключевых переменных, использованных в нашем анализе, были доступны только для ограниченного числа лет. В результате, изучая вероятность географической дивергенции между поколениями, мы рассматривали только тех родителей и детей, которые жили близко друг к другу в базовый год (Artamonova, Syse 2021). Кроме того, изучая вероятность географической конвергенции поколений (Artamonova, Gillespie, Brandén 2020) и переезды к далеким сиблингам (Artamonova, Gillespie 2022), мы рассматривали только тех, кто жил относительно далеко друг от друга в базовый год. Хотя нам удалось успешно ответить на каждый вопрос исследования, мы не учитывали, как сформировались расстояния между членами семьи, которые мы наблюдали в базовый год. Наблюдение за когортами родителей и взрослых детей на протяжении долгого периода времени, например с момента, когда дети покидают родительский дом, предоставило бы информацию о том, как траектории географической близости семьи формируются на протяжении всей жизни в ответ на жизненные обстоятельства, связанные с потребностями в заботе, или в их преддверии. Кроме того, если позволят данные, будущие исследования могли бы с большей эффективностью использовать потенциал анализа наступления событий (event history analysis) для оценки того, задерживает ли наличие рядом взрослого сына или дочери институционализацию.

Хотя исследования пожилых людей, родившихся за пределами Швеции или Норвегии, расширились за последнее десятилетие (Carr, Utz 2020), по-прежнему недостаточно информации о роли страны происхождения мигранта в определении территориальной близости семьи и перемещениях таких пожилых людей. Пожилые иммигранты могут сталкиваться с иными проблемами, чем коренное население, например в отношении уровня фамилизма и управления предоставлением профессиональных услуг по уходу. В нашем исследовании мы учитывали статус мигранта, но не фокусировались на различиях внутри группы мигрантов. Эти различия следует более тщательно исследовать в будущем.

Согласно моделям поддержки (Cantor 1991; Shanas 1979) супруги и дети являются наиболее желательными источниками заботы и компаньонами для пожилых людей, при этом другие члены семьи могут подключиться, если партнеры и/или дети недоступны. Однако в связи с демографическими изменениями может измениться структура родства пожилых людей, а также их предпочтения в отношении компаньонов и опекунов. Например, из-за увеличения продолжительности жизни вероятность взаимодействия с

родственниками из нескольких поколений увеличилась, хотя эта тенденция сдерживается откладыванием деторождения (Kolk 2014). Таким образом, современные общества могут оказаться в уникальной ситуации, когда внуки становятся более «доступны», чем раньше (Wachter 1997). Потоки помощи между несколькими поколениями могут стать более важными. Хотя наше исследование учитывало наличие детей-иждивенцев в семьях взрослых детей, оно игнорировало возможную роль взрослых внуков в миграционном поведении пожилых людей. Точно так же оно не рассматривало возможную миграцию взрослых внуков к своим пожилым бабушкам и дедушкам с потребностями в уходе. Будущие исследования могли бы устранить эти пробелы и уделить внимание местонахождению взрослых внуков как привлекательном факторе для миграции пожилых людей, а также на решениях о миграции людей в ответ на потребности их бабушек и дедушек.

Модели семьи сегодня считаются более сложными, чем в прошлом, отчасти из-за снижения стабильности союзов (van der Wiel, Kooiman, Mulder 2021). Как следствие этого в большинстве западных стран увеличилось число детей, растущих со сводными братьями и сестрами (Thomson 2014). Разнообразие отношений в новой семье, возникающее в результате распада семьи и повторного брака и родительства, как правило, выше, чем в случае, когда новая семья возникает после смерти родителя, поскольку дети в смешанных семьях часто контактируют со своими биологическими родителями (Thomson 2014), а также с новыми членами семьи. Для пожилых людей в наших исследованиях это разнообразие менее актуально из-за относительно высокой стабильности союзов, характерной для их когорт (Davey, Takagi 2013), поэтому мы различали полных и сводных сиблиングов только в одном разделе исследования. Поскольку для будущих когорт пожилых людей рождение детей от нескольких партнеров на протяжении жизни, по-видимому, будет более распространенным (Davey, Takagi 2013), дальнейшие исследования должны уделять больше внимания увеличению запутанности семейных отношений при изучении семейной географии.

Образ семьи зачастую строится на супружеском союзе и родственниках партнера (Kolk 2014). С точки зрения пожилых людей, степень, в которой конкретный ребенок является потенциальным поставщиком услуг, варьируется в зависимости от его семейного положения (Wolf, Soldo, Freedman 2012). В случае женатых детей члены семьи супруга ребенка теоретически имеют значение, поскольку они могут конкурировать за ресурсы взрослого ребенка. В данном исследовании местонахождение семьи супруга взрослого ребенка учитывали только в одном разделе, а в остальных разделах учитывали только наличие партнера взрослого ребенка или сиблинга. Включение информации о родительской семье партнеров детей и их потребностях в уходе в исследованиях географической конвергенции между поколениями, например, позволило бы проследить, как взрослые дети, состоящие в браке, реагируют на потребности своих собственных родителей и родителей своего партнера и к кому они решают переехать в случае конкурирующих потребностей обеих сторон.

Можно утверждать, что, рассматривая только определенный тип членов семьи (детей и сиблингов), мы проигнорировали семейный системный подход, согласно которому семью можно понять, только если исследователи смотрят на нее в целом (Bavelas, Segal 1982). В отличие от диадического подхода этот альтернативный подход к объяснению того, каким образом жизненные обстоятельства пожилых людей связаны с их собственным выбором местоположения и выбором всех членов семьи, предполагает

анализ социальных сетей. В будущих исследованиях концепция плотности, применяемая при анализе социальных сетей, может оказаться полезной для представления географического распределения членов семей пожилых людей (Scott, Stokman 2015). Концепция плотности иллюстрирует, насколько близко члены семьи живут друг от друга и, что более важно, от изучаемого пожилого человека. Наличие лонгитюдной информации о географических координатах членов семей пожилых людей позволило бы узнать, сколько людей остаются проживать географически близко друг от друга и сколько людей перемещаются в ответ на жизненные обстоятельства пожилых родственников. Этот тип анализа поможет понять, будут ли пожилые люди с большей вероятностью мигрировать или переходить под опеку в специализированные учреждения, если у них есть географически плотные родственные сети или сети с несколькими членами семьи, которые теоретически с большей вероятностью будут участвовать в уходе.

В рамках этой работы роль контекстуальных факторов в изменениях географической близости семьи пожилых людей рассматривали ограниченно. Будущие исследования должны и дальше использовать возможности многоуровневых моделей (с контекстными индикаторами местного уровня) для оценки различий в миграционном поведении пожилых людей – жителей разных районов или муниципалитетов. Например, исследователи могут рассмотреть возможность использования данных о доле пожилых людей в районе проживания человека, включенного в исследование, в качестве приблизительного индикатора привлекательности конкретной географической единицы для пожилых людей. Аналогичным образом, но на уровне страны, исследователи могли бы рассмотреть, различается ли степень влияния жизненных обстоятельств пожилых людей на изменения в географической близости семей в разных странах. Потенциальные контекстуальные факторы могут включать институты социального государства и культурные нормы, касающиеся обеспечения семейного ухода за пожилыми (Haberkern, Szydlik 2010).

Концепция жизненного пути побуждает исследователей изучать исторические обстоятельства, формирующие жизнь различных когорт населения (Elder 1994). Ожидания по уходу являются частью взаимодействия между пожилыми людьми и членами их семей, сформировавшегося на протяжении жизни (Hareven 2012). По некоторым причинам пандемия COVID-19 потенциально может стать историческим обстоятельством, которое стимулирует обмен поддержкой между поколениями и географическое сближение семей. Во-первых, введение локдаунов и физического дистанцирования, вероятно, привело к тому, что люди, особенно пожилые, из-за их большего риска для здоровья, стали лучше осознавать важность проживания рядом с другими людьми для своего благополучия (Settersten et al. 2020). Во-вторых, снижение способности пожилых людей получать помощь от дальних членов семьи или переезжать в специализированные учреждения по уходу, где риск передачи вируса был высок, могло мотивировать членов семьи территориально сближаться друг с другом, чтобы увеличить неформальный уход и предоставить пожилым членам семьи возможность стареть дома. Исследования показали, что многие люди (возможно, особенно те, кто географически был близок к получателям медицинской помощи) увеличили частоту предоставления ухода, по крайней мере, во время первой волны изоляции (D'herde et al. 2021). В-третьих, более широкое использование видеозвонков объединило несколько поколений и большие семьи (Settersten et al. 2020), что, возможно, активизировало семейные отношения, которые в противном случае не поддерживались. Дальнейшие исследования должны формально оценить различия в

географической близости семей до, во время и после пандемии, а также сосредоточить внимание на различиях между социально-экономическими группами населения.

Благодарности

Наше исследование было проведено в рамках исследовательского проекта «Family ties that bind: A new view of internal migration, immobility, and labor-market outcomes». Данный проект, возглавляемый Кларой Х. Мулдер, получил финансирование от Европейского исследовательского совета (ERC) в рамках программы исследований и инноваций Европейского Союза Horizon 2020 (грантовое соглашение №740113). Наше исследование способствует достижению двух целей проекта: определение роли семейных связей как усиливающего или сдерживающего фактора миграционной активности и объяснение миграции в сторону семьи и родственников по отношению к миграции в других направлениях.

В процессе работы мы сотрудничали с исследователями проекта «Geographic distribution of health care» (GeoHealth) и исследовательской программы Aging Well. Данные, полученные для проекта GeoHealth от Статистического управления Норвегии, сыграли важную роль в нашем анализе. Проект получил финансирование от Норвежского исследовательского совета (грантовое соглашение №256678). Главной целью проекта GeoHealth является исследование причин и последствий региональных различий в использовании медицинской помощи. Данные, полученные для исследовательской программы «Aging Well» Статистического управления Швеции, также сыграли важную роль в нашем исследовании. Программа получила финансирование от Шведского исследовательского совета по вопросам здравоохранения, трудовой жизни и благосостояния (грантовое соглашение №2016-07115). Главной целью программы Aging Well является решение проблемы изменения порога зависимости и его последствий для бремени ухода, связанного со старением человека и общества. Наше исследование связано с двумя подпроектами Aging Well: «Одинокое проживание, совместное проживание и семейное разнообразие среди пожилых людей сегодня и завтра» и «Последствия социальной политики на протяжении жизни для социально-экономического и гендерного равенства».

Автор отдельно благодарит Сергея Захарова и Галину Рахманову за неоценимую помощь в подготовке данной работы к публикации.

Литература

- Albertini M., Kohli M. (2009). What childless older people give: Is the generational link broken? *Ageing and Society*, 29(8), 1261-1274. <https://doi.org/10.1017/S0144686X0999033X>
- Albertini M., Kohli M., Vogel C. (2007). Intergenerational transfers of time and money in European families: Common patterns—Different regimes? *Journal of European Social Policy*, 17(4), 319–334. <https://doi.org/10.1177/0958928707081068>
- Alders P., Schut F.T. (2019). Trends in ageing and ageing-in-place and the future market for institutional care: Scenarios and policy implications. *Health Economics, Policy and Law*, 14(1), 82-100. <https://doi.org/10.1017/S1744133118000129>
- Allen R.E., Wiles J.L. (2013). How older people position their late-life childlessness: A qualitative study. *Journal of Marriage and Family*, 75(1), 206-220. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2012.01019.x>
- Artamonova A., Brandén M., Gillespie B.J., Mulder C.H. (2021). Adult children's gender, number and proximity and older parents' moves to institutions: evidence from Sweden. *Ageing and Society*, 1-31. <https://doi.org/10.1017/S0144686X21000556>
- Artamonova A., Gillespie B.J. (2022). Older Adults' Internal Migration Toward Faraway Siblings. *The Journals of Gerontology: Series B*, 77(7), 1336 –1349. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbac011>
- Artamonova A., Gillespie B.J., Brandén M. (2020). Geographic mobility among older people and their adult children: the role of parents' health issues and family ties. *Population, Space and Place*, 26(8). e2371. <https://doi.org/10.1002/psp.2371>
- Artamonova A., Syse A. (2021). Do older parents' assistance needs deter parent-child geographic divergence in Norway? *Health and Place*, 70, 102599. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2021.102599>
- Bardis P.D. (1959). A comparative study of familism. *Rural Sociology*, 24(4), 362.
- Bavelas J.B., Segal L. (1982). Family systems theory: Background and implications. *Journal of Communication*, 32(3), 99-107. <https://doi.org/1111/j.1460-2466.1982.tb02503.x>
- Bengtson V.L., Roberts R.E. (1991). Intergenerational solidarity in aging families: An example of formal theory construction. *Journal of Marriage and the Family*, 856-870.
- Bengtsson T., Scott K. (2009). Population ageing: A threat to European welfare? In L. Pehrson et al. (Eds.), *How Unified is the European Union?* (pp. 117-137). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-540-95855-0_8
- Blaauboer M. (2010). *Family Background and Residential Choice*. The University of Amsterdam. BOXPress.
- Borup J.H., Gallego D.T., Heffernan P.G. (1979). Relocation and its effect on mortality. *The Gerontologist*, 19(2), 135-140. <https://doi.org/10.1093/geront/19.2.135>
- Brandén M. (2013). Gendered Migration Patterns within a Sex Segregated Labor Market. *Acta Universitatis Stockholmiensis*.
- Cagle J.G., Munn J.C. (2012). Long-distance caregiving: a systematic review of the literature. *Journal of Gerontological Social Work*, 55(8), 682-707. <https://doi.org/10.1080/01634372.2012.703763>

- Cantor M.H. (1979). Neighbors and friends: An overlooked resource in the informal support system. *Research on Aging*, 1(4), 434-463. <https://doi.org/10.1177/016402757914002>
- Cantor M.H. (1991). Family and community: Changing roles in an aging society. *The Gerontologist*, 31(3), 337-346. <https://doi.org/10.1093/geront/31.3.337>
- Carr D., Utz R.L. (2020). Families in later life: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*, 82(1), 346-363. <https://doi.org/10.1111/jomf.12609>
- Checkovich T.J., Stern S. (2002). Shared caregiving responsibilities of adult siblings with elderly parents. *Journal of Human Resources*, 37(3), 441-478. <https://doi.org/10.2307/3069678>.
- Choi N.G. (1996). Older persons who move: Reasons and health consequences. *Journal of Applied Gerontology*, 15(3), 325-344. <https://doi.org/10.1177/073346489601500304>
- Clark W.A., Duque-Calvache R., Palomares-Linares I. (2017). Place attachment and the decision to stay in the neighbourhood. *Population, Space and Place*, 23(2), e2001. <https://doi.org/10.1002/psp.2001>
- Connidis I.A., Barnett A.E. (2018). *Family Ties and Aging*. Sage Publications. <https://doi.org/10.4135/9781544342306>
- Connidis I.A., McMullin J.A. (1994). Social support in older age: Assessing the impact of marital and parent status. *Canadian Journal on Aging/La Revue Canadienne Du Vieillissement*, 13(4), 510-527. <https://doi.org/10.1017/S071498080000636X>
- Coulter R., Ham M.V., Findlay A.M. (2016). Re-thinking residential mobility: Linking lives through time and space. *Progress in Human Geography*, 40(3), 352-374. <https://doi.org/10.1177/0309132515575417>
- D'Herde J., Gruijthuijsen W., Vanneste D., Draulans V., Heynen H. (2021). "I Could Not Manage This Long-Term, Absolutely Not." Aging in Place, Informal Care, COVID-19, and the Neighborhood in Flanders (Belgium). *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(12), 6482. <https://doi.org/10.3390/ijerph18126482>
- Daatland S.O., Herlofson K. (2003). 'Lost solidarity' or 'changed solidarity': A comparative European view of normative family solidarity. *Ageing and Society*, 23(5), 537-560.
- Daatland S.O., Lowenstein A. (2005). Intergenerational solidarity and the family-welfare state balance. *European Journal of Ageing*, 2(3), 174-182. <https://doi.org/10.1017/S0144686X03001272>
- DaVanzo J. (1981). Repeat migration, information costs, and location-specific capital. *Population and Environment*, 4(1), 45-73. <https://doi.org/10.1007/BF01362575>
- Davey A., Takagi E. (2013). Adulthood and aging in families. In G. Peterson, K. Bush (Eds.), *Handbook of Marriage and the Family* (pp. 377-399). Springer, Boston, MA. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-3987-5_17
- Davies A., James A. (2011). *Geographies of Ageing: Social Processes and the Spatial Unevenness of Population Ageing*. Ashgate Publishing, Ltd.
- Elder Jr G.H. (1994). Time, human agency, and social change: Perspectives on the life course. *Social Psychology Quarterly*, 57(1), 4-15. <https://doi.org/10.2307/2786971>

- Eliasson K., Haapanen M., Westerlund O. (2019). Regional concentration and migration of human capital in Finland and Sweden. *Aluetalouksia Tutkimassa: Kehitys, Työmarkkinat Ja Muuttoliike. Hannu Tervon Juhlakirja*.
- Ermisch J., Mulder C.H. (2019). Migration versus immobility, and ties to parents. *European Journal of Population*, 35(3), 587-608. <https://doi.org/10.1007/s10680-018-9494-0>
- George L.K. (2003). Life course research. In J. Mortimer M., Shanahan (Eds.), *Handbook of the Life Course* (pp. 671-680). Springer. https://doi.org/10.1007/978-0-306-48247-2_31
- Gierveld J.D.J., Fokkema T. (1998). Geographical differences in support networks of older adults. *Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie*, 89(3), 328-336. <https://doi.org/10.1111/1467-9663.00032>
- Gold D.T. (1987). Siblings in old age: Something special. *Canadian Journal on Aging/La Revue Canadienne Du Vieillissement*, 6(3), 199-216. <https://doi.org/10.1017/S0714980800008424>
- Grigoryeva A. (2017). Own gender, sibling's gender, parent's gender: The division of elderly parent care among adult children. *American Sociological Review*, 82(1), 116-146. <https://doi.org/10.1177/0003122416686521>
- Haberkern K., Schmid T., Szydlik M. (2015). Gender differences in intergenerational care in European welfare states. *Ageing and Society*, 35(2), 298-320. <https://doi.org/10.1017/S0144686X13000639>
- Hareven T.K. (2012). Aging and Generational Relations over the Life Course: A Historical and Cross-cultural Perspective, Walter de Gruyter.
- Hicks S.A., Horowitz A., Jimenez D., Falzarano F., Minahan J., Cimarolli V.R. (2018). Unique challenges reported by long-distance caregivers. *Innovation in Aging*, 2(Suppl 1), 201. <https://doi.org/10.1093/geroni/igy023.739>
- Hjälm A. (2011). A Family Landscape: On the Geographical Distances between Elderly Parents and Adult Children in Sweden. Umeå University, Department of Social and Economic Geography.
- Hjälm A. (2012). "Because we know our limits": Elderly parents' views on intergenerational proximity and intimacy. *Journal of Aging Studies*, 26(3), 296-308. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2012.01.005>
- Hünteler B., Mulder C.H. (2020). Geographic proximity to parents, intergenerational support exchange, and migration within Germany. *European Journal of Population*, 36(5), 895-918. <https://doi.org/10.1007/s10680-020-09558-w>
- Jakobsson N., Kotsadam A., Syse A., Øien H. (2016). Gender bias in public long-term care? A survey experiment among care managers. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 131, 126-138. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.09.004>
- Jensen P.H., Lolle H. (2013). The fragmented welfare state: Explaining local variations in services for older people. *Journal of Social Policy*, 42(2), 349-370. <https://doi.org/10.1017/S0047279412001006>
- Johansson I., Noren L., Wikstrom E. (2010). Patient-centred care: The Nordic position. *International Journal of Public Sector Management*. <https://doi.org/10.1108/ijpsm.2010.04223daa.001>

- Johansson L., Sundström G., Hassing L.B. (2003). State provision down, offspring's up: The reverse substitution of old-age care in Sweden. *Ageing and Society*, 23(3), 269-280. <https://doi.org/10.1017/S0144686X02001071>
- Joseph A.E., Hallman B.C. (1998). Over the hill and far away: Distance as a barrier to the provision of assistance to elderly relatives. *Social Science and Medicine*, 46(6), 631-639. [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(97\)00181-0](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(97)00181-0)
- Kalmijn M. (2019). The Effects of Ageing on Intergenerational Support Exchange: A New Look at the Hypothesis of Flow Reversal. *European Journal of Population*, 35, 263-284. <https://doi.org/10.1007/s10680-018-9472-6>
- Kan K. (2007). Residential mobility and social capital. *Journal of Urban Economics*, 61(3), 436-457. <https://doi.org/10.1016/j.jue.2006.07.005>
- Knijn T.C., Liefbroer A.C. (2006). More kin than kind: instrumental support in families. *Family Solidarity in the Netherlands*, 89-105.
- Kolk M. (2014). *Multigenerational Processes in Demography*. Department of Sociology, Stockholm University.
- Komter A.E., Vollebergh W.A. (2002). Solidarity in Dutch families: Family ties under strain? *Journal of Family Issues*, 23(2), 171-188. <https://doi.org/10.1177/0192513X02023002001>
- Künemund H., Rein M. (1999). There is more to receiving than needing: theoretical arguments and empirical explorations of crowding in and crowding out. *Ageing and Society*, 19(1), 93. <https://doi.org/10.1017/S0144686X99007205>
- Levy R., Bühlmann F. (2016). Towards a socio-structural framework for life course analysis. *Advances in Life Course Research*, 30, 30-42. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2016.03.005>
- Lin G., Rogerson P.A. (1995). Elderly parents and the geographic availability of their adult children. *Research on Aging*, 17(3), 303-331. <https://doi.org/10.1177/0164027595173004>
- Lin M., Giles H. (2013). The dark side of family communication: A communication model of elder abuse and neglect. *International Psychogeriatrics*, 25(8), 1275-1290. <https://doi.org/10.1017/S1041610212002347>
- Litwak E. (1985). Complementary roles for formal and informal support groups: A study of nursing homes and mortality rates. *The Journal of Applied Behavioral Science*, 21(4), 407-425. <https://doi.org/10.1177/002188638502100406>
- Litwak E., Kulis S. (1987). Technology, proximity, and measures of kin support. *Journal of Marriage and the Family*, 649-661. <https://doi.org/10.2307/352210>
- Litwak E., Longino Jr C.F. (1987). Migration patterns among the elderly: A developmental perspective. *The Gerontologist*, 27(3), 266-272. <https://doi.org/10.1093/geront/27.3.266>
- Løken K.V., Lommerud K.E., Lundberg S. (2013). Your place or mine? on the residence choice of young couples in Norway. *Demography*, 50(1), 285-310. <https://doi.org/10.1007/s13524-012-0142-8>
- Lomax N., Norman P., Darlington-Pollock F. (2021). Defining distance thresholds for migration research. *Population, Space and Place*, 27(4), e2440. <https://doi.org/10.1002/psp.2440>

- Lundholm E. (2015). Migration and regional differences in access to local family networks among 60-year olds in Sweden. *Journal of Population Ageing*, 8(3), 173-185. <https://doi.org/10.1007/s12062-015-9117-z>
- Lüscher K., Pillemer K. (1998). Intergenerational ambivalence: A new approach to the study of parent-child relations in later life, *Journal of Marriage and the Family*, 60(2), 413-425. <https://doi.org/10.2307/353858>
- Malmberg G., Pettersson A. (2007). Distance to elderly parents: Analyses of Swedish register data. *Demographic Research*, 17, 679-704. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.23>
- McArthur D., Thorsen I. (2010). Determinants of internal migration in Norway. *Econstor*, 1-25.
- Meagher G., Szebehely M. (2013). Marketisation in Nordic Eldercare: A Research Report on Legislation, Oversight, Extent and Consequences. Department of social work, Stockholm University.
- Michielin F., Mulder C.H., Zorlu A. (2008). Distance to parents and geographical mobility. *Population, Space and Place*, 14(4), 327-345. <https://doi.org/10.1002/psp.509>
- Mørk E., Beyrer S., Haugstveit F.V., Sundby B., Karlsen H.T. (2018). Kommunale helse-og omsorgstjenester 2017. Statistikk om tjenester og tjenestemottakere. Statistics Norway, Oslo.
- Motel-Klingebiel A., Tesch-Roemer C., Von Kondratowitz H. (2005). Welfare states do not crowd out the family: Evidence for mixed responsibility from comparative analyses. *Ageing and Society*, 25(6), 863-882. <https://doi.org/10.1017/S0144686X05003971>
- Mulder C.H. (2018). Putting family centre stage: Ties to nonresident family, internal migration, and immobility. *Demographic Research*, 39, 1151-1180. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.39.43>
- Mulder C.H. (1993). Migration Dynamics: A Life Course Approach. Amsterdam Thesis.
- Mulder C.H., Malmberg G. (2014). Local ties and family migration. *Environment and Planning A*, 46(9), 2195-2211. <https://doi.org/10.1068/a130160p>
- Mulder C.H., van der Meer M. (2009). Geographical distances and support from family members. *Population, Space and Place*, 15(4), 381-399. <https://doi.org/10.1002/psp.557>
- Mulder C.H., Wagner M. (2012). Moving after separation: The role of location-specific capital. *Housing Studies*, 27(6), 839-852. <https://doi.org/10.1080/02673037.2012.651109>
- Niedomysl T., Ernstson U., Fransson U. (2017). The accuracy of migration distance measures. *Population, Space and Place*, 23(1). e1971. doi:10.1002/psp.1971.
- Nilsen A., Brannen J. (2012). *Transitions to Parenthood in Europe: A Comparative Life Course Perspective*. Policy Press. <https://doi.org/10.1332/policypress/9781847428646.001.0001>
- OECD (2019). *Health at a Glance 2019: OECD Indicators*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/4dd50c09-en>
- Pani-Harreman K.E., Bours G.J., Zander I., Kempen G.I., van Duren J. M. (2021). Definitions, key themes and aspects of 'ageing in place': A scoping review. *Ageing and Society*, 41(9), 2026-2059. <https://doi.org/10.1017/S0144686X20000094>

- Pettersson A., Malmberg G. (2009). Adult children and elderly parents as mobility attractions in Sweden. *Population, Space and Place*, 15(4), 343-357. <https://doi.org/10.1002/psp.558>
- Rogerson P.A., Burr J.A., Lin G. (1997). Changes in geographic proximity between parents and their adult children. *International Journal of Population Geography*, 3(2), 121-136. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-1220\(199706\)3:2<121::AID-IJPG60>3.0.CO;2-I](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-1220(199706)3:2<121::AID-IJPG60>3.0.CO;2-I)
- Rossi A.S., Rossi P.H. (1990). Of Human Bonding: Parent-child Relations across the Life Course. Routledge.
- Saugeres L. (2009). "We do get stereotyped": Gender, housing, work and social disadvantage. *Housing, Theory and Society*, 26(3), 193-209. <https://doi.org/10.1080/14036090802476606>
- Sauter J., Widmer E., Kliegel M. (2021). Changes in family composition and their effects on social capital in old age: Evidence from a longitudinal study conducted in Switzerland. *Ageing and Society*, 1-19. <https://doi.org/10.1017/S0144686X21000921>
- Scott J., Stokman F.N. (2015). Social Networks. In J.D. Wright (Ed.), *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences (Second Edition)* (pp. 473-477). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.32101-8>
- Settersten Jr R.A., Bernardi L., Häkkinen J., Antonucci T.C., Dykstra P.A., Heckhausen J., Kuh D., Mayer K.U., Moen P., Mortimer J.T., Mulder C.H., Smeeding T.M., van der Lippe T., Hagestad G.O., Kohli M., Levy R., Schoon I., Thomson E. (2020). Understanding the effects of Covid-19 through a life course lens. *Advances in Life Course Research*, 40, 100360. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2020.100360>
- Shanas E. (1979). The family as a social support system in old age. *The Gerontologist*, 19(2), 169-174. <https://doi.org/10.1093/geront/19.2.169>
- Shea D., Davey A., Femia E.E., Zarit S.H., Sundström G., Berg S., Smyer M.A. (2003). Exploring assistance in Sweden and the United States. *The Gerontologist*, 43(5), 712-721. <https://doi.org/10.1093/geront/43.5.712>
- Silverstein M. (1995). Stability and change in temporal distance between the elderly and their children. *Demography*, 32(1), 29-45. <https://doi.org/10.2307/2061895>
- Silverstein M., Angelelli J.J. (1998). Older parents' expectations of moving closer to their children. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 53(3), S153-S163. <https://doi.org/10.1093/geronb/53B.3.S153>
- Silverstein M., Bengtson V.L. (1997). Intergenerational solidarity and the structure of adult child-parent relationships in American families. *American Journal of Sociology*, 103(2), 429-460. <https://doi.org/10.1086/231213>
- Simons R.L. (1984). Specificity and substitution in the social networks of the elderly. *The International Journal of Aging and Human Development*, 18(2), 121-139. <https://doi.org/10.2190/AUY4-CMPK-JFCB-E04V>
- Sivesind K.H. (2017). The changing roles of for-profit and nonprofit welfare provision in Norway, Sweden, and Denmark. In K. Sivesind, J. Saglie (Eds.), *Promoting Active Citizenship* (pp. 33-74). Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-55381-8_2
- Smits A. (2010). Moving close to parents and adult children in the Netherlands: The influence of support needs. *Demographic Research*, 22, 985-1014. doi:10.4054/DemRes.2010.22.31.

- Szebehely M., Meagher G. (2018). Nordic eldercare—weak universalism becoming weaker? *Journal of European Social Policy*, 28(3), 294-308.
<https://doi.org/10.1177/0958928717735062>
- Szebehely M., Trydegård G. (2012). Home care for older people in Sweden: A universal model in transition. *Health and Social Care in the Community*, 20(3), 300-309.
<https://doi.org/10.1111/j.1365-2524.2011.01046.x>
- The National Board of Health and Welfare (2019). *Statistikdatabas för Äldreomsorg*.
- Thomas M.J., Dommermuth L. (2020). Internal migration and the role of intergenerational family ties and life events. *Journal of Marriage and Family*, 82(5), 1461-1478.
<https://doi.org/10.1111/jomf.12678>
- Thomassen J.A. (2021). The roles of family and friends in the immobility decisions of university graduates staying in a peripheral urban area in the Netherlands. *Population, Space and Place*, 27(2), e2392. <https://doi.org/10.1002/psp.2392>
- Thomson E. (2014). Family complexity in Europe. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 654(1), 245-258. <https://doi.org/10.1177/0002716214531384>
- Thygesen L.C., Ersbøll A.K. (2014). When the entire population is the sample: strengths and limitations in register-based epidemiology. *European Journal of Epidemiology*, 29(8), 551-558. <https://doi.org/10.1007/s10654-013-9873-0>
- Trost J., Levin I. (2005). Scandinavian families. *Handbook of World Families*, 347-363.
<https://doi.org/10.4135/9781412975957.n16>
- Trydegård G., Thorslund M. (2010). One uniform welfare state or a multitude of welfare municipalities? the evolution of local variation in Swedish elder care. *Social Policy and Administration*, 44(4), 495-511. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2010.00725.x>
- Ulmanen P., Szebehely M. (2015). From the state to the family or to the market? consequences of reduced residential eldercare in Sweden. *International Journal of Social Welfare*, 24(1), 81-92. <https://doi.org/10.1111/ijsw.12108>
- van der Pers M., Mulder C.H., Steverink N. (2015). Geographic proximity of adult children and the well-being of older persons. *Research on Aging*, 37(5), 524-551.
<https://doi.org/10.1177/0164027514545482>
- van der Wiel R., Kooiman N., Mulder C.H. (2021). Family Complexity and Parents' Migration: The Role of Repartnering and Distance to Non-Resident Children. *European Journal of Population*, 37(4), 877-907. <https://doi.org/10.1007/s10680-021-09594-0>
- van Gaalen R.I., Dykstra P.A. (2006). Solidarity and conflict between adult children and parents: A latent class analysis. *Journal of Marriage and Family*, 68(4), 947-960.
<https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2006.00306.x>
- Vergauwen J., Mortelmans D. (2020). Parental health, informal support, and geographic mobility between parents and adult children. *Population, Space and Place*, 26(2), e2301.
<https://doi.org/10.1002/psp.2301>
- Wachter K.W. (1997). Kinship resources for the elderly. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*, 352(1363), 1811-1817.
<https://doi.org/10.1098/rstb.1997.0166>

- Wolf D.A., Soldo B.J., Freedman V. (2012). The demography of family care for the elderly. In T. Hareven (Ed.), *Aging and Generational Relations over the Life Course* (pp. 378-399). De Gruyter.
- World Bank (2020a). Population, total. <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (accessed 25 November 2021).
- World Bank (2020b). Rural population, % of total population. <https://data.worldbank.org/indicator/SP.RUR.TOTL.ZS> (accessed 25 November 2021).
- Zhang Y., Engelman M., Agree E.M. (2013). Moving considerations: A longitudinal analysis of parent-child residential proximity for older Americans. *Research on Aging*, 35(6), 663-687. <https://doi.org/10.1177/0164027512457787>